

WARHAMMER

40,000

A SPACE MARINE BATTLES NOVELLA

FLESH OF CRETACIA

ANDY SMILLIE

WARHAMMER

A SPACE MARINE BATTLES NOVELLA

ПЛОТЬ КРЕТАЦИИ

ЭНДИ СМАЙЛИ

Увеличить (156 кбайт)

Увеличить (305 кбайт)

Плоть Кретацции

...

Энди Стайлли

Прости.

Мы погвели тебя, брат.

Не стоило доводить до этого. Ты выстоял
против тьмы, щит против ужасов,
которые

называют ее дотом. Ты убивал и проливал кровь. Ты выжил там, где другие братья не смогли.

Ты отдал все, пожертвовал всем, и теперь у тебя не осталось ничего, что стоило бы защищать от бущущего внутри неистовства.

Но ты все же мой брат, и не заслуживаешь такого. Не тебе нести бремя вины.

Мы -- дети войны, крещенные неплотью победы. Мы -- младшие сыновья нашего отца, и от этого

еще более свирепы. Его боль полыхает в наших венах, ее не в силах ослабить застаревшая

гордость и возложенный на нас долг. Мы -- это он в самом чистом и разгневанном своем

облике. Мы пытались затупить гнев о сати звезды, ведя крестовый поход не менее кровопролитный и беспощадный, чем все, что мы знали прежде. Мы безжалостно тускали

галактике кровь. Мы сати истекали

кровью, сражаясь до конца. Но мы не
очистились, мы не
отвечали за свои действия. Жажда
побеждала.

Кретацкая могла стать нашим спасением.
Первая глава
Планетарная высадка

Тамир не попытался спасти Кесефа.
Прижавшись к скале, он даже не бросил на
юношу

прощальный взгляд, когда тот пролетел
мимо. Слабакам не место на Кретацкой.
Кесефу лучше

умереть, чем выжить и заразить племя
порченой кровью. Тамир потянулся к
следующему выступу

и затер. Кесеф не кричал. Воин не дал
услышать свою смерть Тамиру и
остальной охотничьей

группе. Но крайней мере в этом была
честь. Когда охота закончится, Тамир
отправит Харута

отыскать и сжечь тело Кесефа. Он не

позволит земле поглотить дух юноши.

Не обращая внимания на сочащуюся из
лагодней и ног кровь, Тамир поднял руку и
принялся

взбираться дальше. Вокруг него
поднимались другие воины, с еще большей
осторожностью

карабкаясь на гору. Тамир знал, что
многие сорвутся, прежде чем они
доберутся до вершины.

Ранодон выбрал себе логово в хорошем
месте. Четырехкрылые звери гнездились
на вершине

горы, откладывая богатые питательными
веществами яйца подальше от когтей
вечно голодных

хищников. Камень под руками был
неровным, шероховатым, словно шкура
рычащего баразавра.

Он впивался в кожу и высасывал силы. Но
Тамир знал, что подъем это только
начало, худшее

ждало их впереди. Раскинувшееся дальше
плато опалало жаром, подогреваемое

огнем, который

хлопотал в недрах гор. Они должны бежать как можно быстрее или обгорят до костей. Тамир

впился пальцами в трещину и подтянулся выше, защищенный змеящимися по всему телу,

сросшимися шрамами. Солнца умерли и возродились много раз с тех пор, как Тамир впервые

вышел на охоту, и он скучал по колющей боли юности, мучению, которое прибавляло прити его

конечностям. Сейчас Тамир не чувствовал почти ничего, кроме биения сердца.

Его внимание привлекло движение слева. Харут прекратил восхождение и показывал в небо за

ними. Тамир проследил за взглядом следопыта, когда на него посыпался град горящих обломков.

Он приник к склону и отвернулся от неба, позволив пламенному ливню хлестнуть по

спине. В

ноздри проник запах жженой кожи, заставив его поморщиться. Еще трое из его охотничьей группы

сорвалось со скалы, их крики утонули в рычании огненной скалы, от которого угрожал весь утес.

Тамир затрясся от паники. Если они прогневили гору, она извергнет свою ярость и сметет их со

склонов волной пламени. Он бросил взгляд на вершину, но гора безмолвствовала, равнодушная к

их присутствию. Тамир выругался из-за своей глупости. Они провели все требуемые ритуалы,

вытазавшись керамической глиной с подножья холмов. Дух горы не мог почуять их. Огонь с небес

вызвало что-то другое.

Тамир оглянулся на небо, когда внизу полетело несколько объятых пламенем коматней, которые в

ореоле огня и пыли рухнули в лес за

следующим хребтом. Внутренности
Тамира, сжавшиеся от
ужаса узлом, послали в вены заряд
адреналина. За тем хребтом находилась
его деревня.

- Бакту! Бакту! - прокричал Тамир,
приказывая охотничьей группе спускаться
вниз так быстро, как
они только остеливались.

...

Деревня исчезла. Упавшие катники
оставили огромные кратеры, стерева
деревянные хижины с лица

земли. Деревья тальяи попадали друг на
друга, будто снесенные ураганным ветром.
На плакучих

листьях подрагивали языки пламени,
пожирая то, что от них осталось. Тела
людей из племени

Тамира исчезли в густом дыму, который
поднимался от темного непа, укрывшего
землю, а с ней и

все следы жизни. Массивная челюсть
Тамира не шевельнулась, его сердце

оставалось столь же

твердым, как мышцы, бугрившиеся на
грудь, словно камни.

Он не печалился о ком-то конкретно.
Судьба не всегда бывала благосклонной,
таким был

естественный порядок вещей. Но из-за
смерти женщин и детей солнцу придется
не раз обойти

небосвод, прежде чем племя сможет
заменить павших в бою. Чтобы выжить,
им придется

набирать воинов из соседних племен. Это
было только начало кровопролития,
которое, без

сомнений, вскоре последует.

Погруженный в грудь развороченной земли
в лучах солнца сиял громадный камень.
Тамир

бросился к нему, намереваясь отомстить.
Он разобьет его и сделает из осколков себе
гробину.

Воин застыл, мышцы напряглись в
ожидании, когда скала зашипела и

выплюнула гейзеры пара.

Секунду спустя участок внешнего слоя скользнул вниз, исчезнув в невидимом углублении.

Несколько воинов Тамира отшагнули назад, но сам вождь остался стоять на месте и зарычал,

когда наружу вывалился зверь с зеленой кожей.

Существо издало приглушенный рык и рухнуло на колени. Из раны в его боку текла густая кровь.

Под плотью напряглись тугие мышцы, свидетельствующие о заключенной в них силе. Под

дьявольскими красными глазками сверкнули кинжально-острые зубы.

Тамир обошел зверя. От него несло хуже, чем от выгребной ямы. Если бы он стоял прямо, то, вне

всякого сомнения, оказался бы вдвое выше его, хотя и небольшим по сравнению с огромными

животными, чьей крови уже изведало его

копье. Харут и Кои шагнули ближе. В их движениях

Тамир прочел стремление убить зверя и развел руками, чтобы их остановить. Эту деревню

защищал он, и право убить принадлежало ему и только ему. Согласно хтыкнув, оба воина

вернулись к остальным.

Зеленый зверь натужно дышал, словно пытался подняться. Зарывав, Тамир ударил копьем в руку

зверя, пригвоздив ее к земле. Зеленокожий взревел от боли, из его пасти закапала слюна. Тамир

рванулся вперед и отсек ему руку. Заостренный камень с легкостью разрубил кость. Зверь

подавился рыком, боль, которая заглушила голос, заставила его повалиться на спину. Из обрубка

руки, стешиваясь с неплот в густую жижу, вытекло столько крови, что обычный человек стал бы

мертвенно-бледным.

На охоте подобное зрелище приводило охотничью группу Тамира в исступление, вызывая хор

радостных криков и свиста, но сейчас воины хранили молчание. За убийство во имя мести не

полагался трофей, оно не несло богатства, достойного своей цены.

Всматриваясь в каждый мучительный спазм на морде зверя, Тамир снял глубину пояса. Он хотел

заполнить это убийство.

Плюясь от ненависти, зеленокожий вырвал копье из руки, оставив на нем кусок мяса, и бросился к

Тамиру.

Вождь предвидел движение, но размеры зверя придали ему скорости. Отскочив назад, Тамир

избежал его кляцнувших зубов, но угодил под мощный удар справа. Кулак зеленокожего врезался

ему в лицо. Тамир с содроганием услышал

хруст скелета, но боли не было. Зеленокожий продолжил

атаку, ткнув обрубком руки ему в нос. Вождь закашлялся, когда рот наполнился кровью и вонью плоти чужака.

Сил зверю хватило ненадолго. Даже его кажущееся неукротимым тело не могло выдержать такой

потери крови. Тамир поднырнул под очередную удар и, поднявшись, врезал существу глубиной по

голове. Удар разорвал зеленокожему щеку. Он со стоном рухнул на землю, рядом с ним

рассыпались пожелтевшие зубы. Тамир наступил на грудь зверю и принялся раз за разом бить его

по голове, лишь сильнее распалаяемый кровью, которая забрызгивала его тело. Вождь продолжал

вбивать череп зверя в землю, пока его тело не перестало дергаться.

Тяжело и отрывисто дыша, Тамир

поднялся на ноги. Его конечности были
покрыты кровью
существа, из-за чего грязь на коже
приобрела темно-красный, жестокий цвет.
Вождь выпрямился, облаченный в багрянец,
и воздел оружие в небо.

- Рута, рута натуна, ар-а! -- прокричал
Тамир.

Сородичи повторили его клич. Они были
разрывателями кожи, пожирателями
плоти.

...

Смерть в пустоте нисколько не трогала
Амита.

Магистр ордена Расчленителей
посмотрел в окулюс флагмана на россыпи
терцающих во траке

плазменных торпед, которые неслись к
скипальцу орков. Корабль был обездвижен,
разворочен

бомбардировочными орудиями и
бортовыми залпами. Хотя Амит и не
видел ее, он знал, что перед

торпедой летела эскадрилья «Громоых

астребов», расчищая дорогу для
стертоносных зарядов
-- боевые корабли прореживали поле
обломков, которое еще несколько часов
назад было ороченным
флотом. Лишь резкие вспышки
турболазеров и пульсирующее мерцание
огня лазерных пушек
указывали на их текущее
местоположение.

Это была не та битва, которую он
жаждал. Его пульс был спокойным, кровь в
венах холодной,
сквозь тихое урчание энергетической
брони не слышалось биение сердца. На
борту звездолета он
чувствовал себя ненужным. Сражения
между флотами были обособленными...
событиями, строго
регламентированными, логическими
процессами, которые бесчисленные души
выполняли по
велению невидимых повелителей.
Большая часть жертв в космосе была

результатом

последствий: сожженные плазменными выбросами, утонувшие в охлаждающей жидкости,

затянутые в протозглые объятия пустоты; люди утирали едва ли не по воле случая. Аним почти

не видел разницы между этим и тем, как люди гибли в мирное время. Они утирали в горящих

домах, тонули в разлившихся реках, замерзали в холодные зимние ночи; люди гибли подобным

образом задолго до того, как присоединились к своим межзвездным богам.

Аним отвернулся от оккюлюса и оглядел сводчатый мостик. С далекого потолка, словно большие

слезинки, свисали латны, их багровый маслянистый свет изливался на пол. За щелкающими

пультами, которые управляли системами «Виктуса» работали десятки сервов в

серых тундрах, из-за бесчисленных
ауспигов и экранов с текущими по ним
данными их кожа казалась ярко-синей.

Прошло много недель с тех пор, как они в
последний раз покидали посты. Вьющиеся
трубки с

физраствором и стимуляторами
подпитывали изможденных сербов и
держали их разум наготове,

пока другие выносили за ними
экскременты. Алит сомневался, что кто-
то из них переживет

следующую пару часов. Механические
сервиторы шагали по металлической
палубе, вокруг их

измененной кожи клубился дым
благоний, пока они бормотали
благословения обрывками

машинного кода. Дергающиеся
гололитические скопления в арочных
вестибюлях отображали

восемь ударных крейсеров, входящих в
состав флота. На мостике царила почти
полная тишина,

звук и непрерывной деятельности заглушались фоновым гулом работающих двигателей флагмана.

- Попадание неизбежно, мой лорд, - просипел серв-тактик, когда торпеды врезались в орочий корабль, его голос охрип от девяти часов непрерывного сражения.

Алит бесстрастно посмотрел сквозь иллюзор на противника, бросив на него последний взгляд,

прежде чем его полностью не поглотил взрыв. Даже по орочьим меркам корабль был превращен

во что-то неузнаваемое и неподдающееся описанию. Он был крупнее любого другого корабля, с

которым Алиту приходилось прежде сталкиваться -- сплошная масса камня и покоренного

металла, казалось, столь бессистемная конструкция не давала ему никакого права на

существование. Ракетные шахты,

вентиляционные трубы, сенсорные антенны и оружейные установки торчали под всевозможными углами. Его корпус состоял из остовов тысяч кораблей. В

некоторых Алит узнал имперские суда, другие принадлежали ксеносам, все они смешались

воедино с той же непосредственной грубостью, с которой орки вели войну.

Алит рассматривал его прочные борта, когда торпеды попали в цель, и задался вопросом, какая

же история таилась в этом дрейфующем табуле, на какие осколки прошлого он вот-вот навеки разлетится?

...

- Все вражеские контакты уничтожены, милорд.

Капитан Нета Нуа поднялась с командного трона и ухватилась за поручень. Погоня через всю

Кориотисскую систему оказалась долгой,

и она не вставала с кресла четырнадцать циклов. Она

победно встала, из уважения к магистру ордена и чтобы заодно размять ноги. Нема постотрела на

Алмита и ее пробрала дрожь. Она никогда не привыкнет к нему. Скорее бог, нежели человек, он

был шире любой переборки, возвышался над ней почти вдвое, благодаря терминаторским

доспехам, и на целую голову превосходил братьев-капитанов Баракиила и Устериила,

неподвижно стоявших по обе стороны от него. Древняя броня Алмита была покрыта вмятинами и

шрамами, как корпус «Виктуса», его глаза казались столь же древними, как звезды, между

которыми он странствовал.

- Выжившие есть? -- даже без шлема и металлического шипения вокс-решетки голос Алмита

походил на холостое рычание цепного
меча.

- Сюрвейеры, сканирование широкого
спектра, - сказала Нема. -- Если хотя бы
один из зеленокожих

монстров выжил, я хочу знать об этом, -
она резким тоном отдала приказ хоруг-
серов сюрвейера и

прислуживающим им сервиторам.

Лоботомизированные рабы вздрогнули,
когда в их бинарные вены хлынул поток
данных.

- Обработка, - как один произнесли они.

Нема вслушивалась в неестественный
машинный говор, пока сюрвейеры собирали
сведения. Она

слышала, что на планетах не столь
диких, как ее собственная, бормотание
сервиторов считалось

прекрасным -- технокомпозиторы и
машинные агенты собирали вместе
сервиторов с различными

функциями и логическими ядрами и
дирижировали их несвязной речью,

превращая ее в нечто
похожее на искусство. Нета заскрежетала
зубами. Запинающееся бормотание
сервиторов только
изгало на нервах.

Ее внимание привлекла замигающая на
пульте руна.

- Судя по плазменным следам и
остаточному тепловому излучению,
несколько кораблей

совершили посадку, милорд, - сказала
капитан флота.

- Покажи мне, - Амит повернулся к
тактическому гололиту, зависшему над
командным постом.

Система из семи миров. Неотмеченная на
карте. Слова потекли по гололиту, когда
планеты

обрели фокус. Секунду спустя на трех
планетах высветилось скопление
пульсирующих сфер,

отмечающих, где исчезли сигнатуры
кораблей орков.

- Здесь, милорд, - с помощью субвокальной

команды Нета резко усилила фокус
четвертой

планеты, и остальные миры исчезли на
заднем фоне. -- Большинство орков сбежало
на эту

планету.

Гололит вздрогнул, когда когитаторы
корабля начали анализ планеты. Нета
раздраженно цокнула, увидев, что
относительно планетарной массы,
населения, атмосферных условий, климата
и

минеральной плотности поступили лишь
отрицательные ответы. -- Сюрвейеры, мне
нужно больше
информации.

- Сожалею, капитан, но мир окутан
электромагнитными бурями и густым
облачным покровом.

Ауспики не в состоянии просканировать
его.

- Хитро, - Нета по-волчьи оскалилась. Она
давно подозревала, что орки -- не просто
дикари-

грабители. Выжившие пытались
спрятаться под пологом загадочной
четвертой планеты.

- Отозвать «Грозовые ястребы», - раздался
у нее из-за спины гулкий голос Алита. -
Пусть рота
соберется в ангаре.

Он собрался уходить.

- Милорг? - спросила Нема, когда трое
бронированных гигантов двинулись к
выходу из зала.

- Помоги брату-капитану Азазелю
отловить остальных орков, капитан, - на
ходу бросил Алит.

- Да, милорг, - Нема выпрямилась и
приступила к обязанностям, вызывая
кормчих и котл-

офицеров, чтобы связаться с ударным
крейсером Азазеля из флотилии
Расчленителей.

- Капитан Нема... - Алит остановился у
дверей и обернулся в ее сторону. - Вы
хорошо сражались.

Даже спустя столетие войны в вашей

крови еще горит огонь. Если возьмете
систему под контроль, я прослежу, чтобы
картографы узнали ваше имя.

- Милорг, - Нема поклонилась. Когда
легионы предателей превратили ее мир в
выжженную

скорлупу, верность Империи
укоренилась в глубине ее души. Когда
Кровавые Ангелы

освободили планету, она дала обет
вечного служения. До этого момента все,
чего она хотела от

жизни, это убивать врагов человечества.
Но быть увековеченной на звездной карте,
чтобы ее

полнили до тех пор, пока не остынут
самы звезды... - Кровью Его, будет
исполнено.

...

Истериил подождал, пока дверь не
закроется и замки не встанут на место.
Лишь оказавшись

наедине с Баракилом и Алитом он,
наконец, заговорил.

- Мой лорд.

Алит повернулся к нему и ответил, что красные сферы бионических глаз Устериила все так же

непроницаемы. Оптика светилась в слабом освещении коридора, отбрасывая багровые отблески

на металлическую пластину, скрывавшую левую часть его лица.

- Говори, Устериил.

- Разумен ли ваш план, лорд? Орки не выбрали бы четвертую планету только от отчаяния. Здесь

может быть их логово, в котором обитает множество тварей, - продолжил Устериил, словно не

замечая растущее раздражение Алита. -- Мы не знаем, что нас там может ждать. Дайте мне

скаутов, позвольте должным образом разведать...

Алит шагнул в упор к Устериилу.

- Ты считаешь меня трусом, брат-капитан? -- другой Расчленитель открыл

было рот, но Амит

продолжил, прижавшись лбом ко лбу
Устериила. -- Я не один из педантичных
тактиков

Жиллитана, - магистр органа поднял
багровую перчатку. Сервоприводы в
адамантиевых

сочленениях зарычали, когда он сжал
пальцы в кулак. -- Меня защищает кровь, а
не теневой плащ
диверсантов Коракса.

- Лорг, - Устериил не отвел взгляда.

Амит ухмыльнулся решительности
Устериила. Если органу судилось
выстоять, ему понадобятся

командиры вроде Устериила, которые
проведут его через кровавые времена. Но
Амит был

слишком пропитан насилем, чтобы
измениться. Он не мог отрицать Кровь --
ее зов все громче

звучал у него в разуме.

- А что скажешь ты, Баракиил? -- Амит
обернулся к другому капитану.

- Меня не волнует, сотня или тысяча
орков на этой планете. Мы уничтожим
их, но можем

послужить лучше, если продолжим
крестовый поход в Саккарском секторе.
Звездные Фантомы

направили нам призыв о помощи,
Бараккил говорил спокойным голосом, его
лицо не выдавало

никаких эмоций. - Пусть здесь все
зачистят ауксилариусы. Нам есть где
пролить достаточно крови.

- Нет, - ответил Алит, крепко стиснув
челюсти, словно пытаясь сдержать
растущий внутри гнев. -

Ты ошибаешься.

«Ее никогда не бывает достаточно.
Жажда побеждает», - закралась в его разум
мысль. Это

чувство он не мог -- не хотел --
озвучивать. Если он, сильнейший среди
них, теряет надежду, то... Алит
зарычал.

- Оглянитесь, братья. Среди наших воинов

растет беспокойство. Их гнев ощутил,
словно палуба у
нас под ногами. Слишком много времени
прошло с тех пор, как наши клинки
вкусали кровь. Мы
атакуем.

- Звездные... - заговорил Баракиил.

- Мы не отчитывается перед Звездными
фантомами, и у нас будет достаточно
времени, чтобы
очистить Саккару. Мы закончим
начатое.

Баракиил склонил голову, его голос
превратился в приглушенный рык.

- Как того пожелает Кровь.

...

Сотня избранных Императора. Сотня
воинов в багрово-пепельных доспехах. Сотня
ангелов
смерти.

Алит стоял во главе воинов на палубе
сбора, великан среди великанов. Он окинул
их взглядом, запоминая каждого бойца,
которого собирался вести на войну.

Между ровными рядами Расчленителей
ходили сервы в угольно-черных робах,
утащивая их

доспехи стазочными и охранными
маслами.

Стоящий слева от Алита Баракиил
воздел ротное знамя, шестиметровый
стяг, собранный внизу,

где он касался пола. Прочная материя
была порвана и обтрепана. Алит знал,
что некоторые его

кузены не одобрили бы столь печальное
состояние знамени. Даже Кровавые
Ангелы, их

прародители, почитали свои штандарты
как священные реликвии, обладавшие силой
и тяжестью

истории. Но Алит предпочитал, чтобы
его стяги были покрыты грязью и кровью с
поля брани.

Каждое багровое пятно
свидетельствовало о проявленной чести
лучше любых витиеватых строчек
на полотнище.

Чаша, ангел в одеяниях палача, капля
крови в зазубренном круге... Атит бросил
взгляд на

украшавшие стяг несочетающиеся
изображения, которые соединялись вместе
неровными швами.

Некогда одно знамя было тремя. Их сшили
на Ваале, когда Расчленители только
появились на

свет. Три знамени, по одному для каждой
роты, которые действовали под его
непосредственным

командованием, с Первой по Третью. Но
война и Жажда опустошали роты, пока в
них не осталось

по горстке воинов. Тогда Атит объединил
выживших в одну, его роту. У нее не было
ни названия, ни номера. Она и была всем
орденот, а ее знаменем стало слияние
трех прежних штандартов.

Вне всяких сомнений, подобная
непочтительность к предписаниям,
изложенным в Кодексе

Жиллитана, не понравилась бы примарху.

Амит улыбнулся. Он искренне на это надеялся. То, что

владыка Макрагга решил заковать в цепи легионы, было наивной иронией -- он отсутствовал на

единственно значимом сражении, и Амит не позволит, чтобы его воины страдали из-за провала

Ультрадесантников.

- Кровью Его мы сотворены, - Амит ударил кулаком по нагруднику.

Собравшиеся Расчленители ответили на его слова, мощный грохот сотни воинских приветствий

прокатился по палубе сбора, будто удар грома.

- Кровью Его мы защищены, - Амит опустился на колени, и рота последовала его примеру,

сервоприводы в коленях заработали, словно поршни.

- Кровью Его мы победим, - Амит снял перчатку и провел ножом по ладони. Горячая кровь

струйкой закапала в узкий желоб в
металлической палубе. Остальные
Расчленители пролили
кровь вслеп за магистром ордена.
Темная жидкость потекла через
дренажные мембраны в Грааль Ортуса,
чашу возрождения. Грааль
стоял в освещенной комнате под палубой.
После боя роты Алита выпьет из
золоченой чаши,
чтобы павшие воины могли и дальше
жить в их венах.
Из рядов вышел капеллан Зофал и,
раскачивая розариум, встал рядом с
Алитом.
- Мы -- воплощение мести, - капеллан
начал Моринатрис, мессу рока. Его слова
подействуют на
тех Расчленителей, которые более не
могли сдерживать свой гнев. Он
поприветствует их в рядах
Роты Смерти, где они, наконец, обретут
покой.
Алит не сводил глаз с пола, пока Зофал

проводил мессу, мысленно спрашивая себя,
скольких

воинов он лишится из-за зова Жажды. Его
пұльс участился, когда катехизис
капеллана

взбұдоражил сердце убийцы, и на краткий
миг Амит подумал, что на этот раз
именно ему сұдилось

облачиться в черные доспехи смерти.

...

Цзрытые шрамами противозрывные
щиты и клыкастые люки распахнулись
настежь, когда

«Виктұс» приготовился выпустить
Амита и его воинов в пұстоту. Громадные
тұсковые туннели

представляли собой немногим больше, чем
темные точки на фоне необъятного
багрового корпұса

боевой баржи.

Из «Виктұса» вырвалось семь кораблей,
сплохи их двигателей затерялись среди
тысяч

эмиттеров и мигающих сенсоров,

исследующих бронированное покрытие
корабля-родителя: три

«Громоовых ястреба», приземистых танка,
которые летали, казалось бы, вопреки
своей угловатой

конструкции, и четыре меньших, более
хрупких «Грозовых орла». Все они, за
исключением одного, были выкрашены в
багрово-пепельные цвета. Корпус
последнего «Грозового орла» был столь же
черным, как окружающая его пуста, и в
нем находились те, кого избрала Жажда.

Крыло боевых кораблей на полной скорости
направлялось к четвертой планете.
«Грозовые орлы»

плотным строем прикрывали
незащищенные фюзеляжи более крупных
«Громоовых ястребов»,

проносясь сквозь обломки флота орков. К
резким вспышкам турбозероо добавилось
мерцание

лазерных пушек, когда боевые корабли
начали прокладывать путь сквозь поле
обломков. Пилоты

лезли на самый короткий курс к миру,
сокрушая тупыми носами небольшие
препятствия, по

корпусам непрерывно колотили осколки и
затвердевшая костическая пыль, оставляя
на верхних

броневых плитах свежие царапины.

...

Скаут Кассил поторщился и потянулся к
магнитной подвеске, внутренне
напрягшись, когда вокруг

него угрожал корпус «Ярости Баала».

- Здесь нет подвески, парень, - сказал
неофиту брат-сержант Асмогель. --
Тренировка окончена.

Пора стоять на своих гвух.

Выговор заставил Хамиега довольно
хмыкнуть. Он сидел напротив Кассила в
«Грозовом

ястребе», вода зазубренным клинком по
испещренному серебряными прожилками
точильному

камню. Это должно было стать
последним заданием Хамиега перед

вступлением в ряды

полноправных боевых братьев. Скаут-ветеран уже приобрел некоторую схожесть со своим

прародителем. Его некогда темная кожа побледнела, глаза стали пронзительно-синими, столь

часто встречаемые у братьев ордена, а коротко подстриженные волосы начинали светлеть.

Хатиег бросил на Кассиула холодный взгляд, его глаза казались куда беспощаднее, чем сжатый в руке клинок.

Кассиул подавил рык, но заставил себя опустить взгляд. Из всех новоприобретенных даров

привыкнуть к Жажде оказалось сложнее всего. Его пульс никогда не успокаивался, сердцебиение

остальных громко отдавалась в ушах. Он представил, как бьет Асмогеля лицом о переборку и

треск ломающейся кости, когда вгоняет

локоть в череп сержанта.

« Пусть в груди твоей воцарится мир, и
прибереги гнев для болтера».

В мыслях Кассиила, словно
успокаивающий ветерок, пронеслись слова
капитана Акрасиила.

Магистр рекрутов произнес их после
того, как оттащил его от глотки грузого
неофита Кровавых

Ангелов. Те три минуты в дуэльных
клетях стоили ему многих часов покаяния.

- Даже не знаю, - произнес Мелехк, указав
на тяжелый болтер, который он держал. --

Некоторое

оружие полезнее грузого.

Кассиил ухмыльнулся, обрадовавшись хоть
какому-то отвлечению.

Мелехк куда лучше заботился о своем
оружии, чем о плоти. После боя он всегда
сначала

проверял его и перезаряжал, и лишь затем
позволял аптекарию осмотреть раны. Из-
за этой

привычки вся левая часть его лица

превратилась в лоскутное одеяло из
перешитой кожи, а на
месте левого глаза тускло светилась
бионика. Многие братья-скауты Мелехна
предпочитали

бесшумную точность снайперской
винтовки, но существовало немало
созданий, к которым он не
смог бы подкрасться, задушить либо
выпотрошить клинком. Когда приходило
время

огнестрельного оружия, Мелехк неизменно
радовался грозному реву своего тяжелого
болтера.

- Что скажешь, Узаил? - спросил
массивный скаут у пятого и последнего
члена отделения.

Узаил протолчал, погруженный в
задумчивое молчание.

Кассил заметил, как Мелехк
прищурился. Он ненавидел Узаила всеми
фибрами души. Двое

скаутов состязались за место
заместителя Астогеля, которое пока

занятал Хамиев, а с его

скорым уходом вражда братьев только усилилась. Кассиал окинул их взглядом.

Они отличались,

как лег и плата. Мелехк был широкоплечим и импульсивным, Узаил же отличался худощавым

телосложением и расчетливостью. Во время последнего задания Мелехк сплотил запаниковавших

Каритианских ополченцев и укрепил линию обороны. Узаил сделал то же самое чуть дальше в

окнах, но если Мелехк говорил о долге и чести, возбуждав в ополченцах пламенную ярость, то

Узаил убивал людей до тех пор, пока они не поняли намеков и не вернулись в строй.

Еще один пассажир «Грозового ястреба» неподвижно стоял перед спусковой рампой.

Пусть

Григори последним взошел на борт боевого корабля, но покинет его первым. Его громадные плечи

перекрыли в ширину весь транспортный
отсек. Каждый зубец многометровых
эвисцераторов,

сжимаемых в руках, был вдвое крупнее
человеческой головы, но воин словно не
чувствовал их

тяжести. Агатантиевый корпус Гризори
покрывали пергаментные свитки и
строчки золотых

письмен. Он был багровым монументом
славы Ваала. Кассиал почтительно
посмотрел на него.

Сложно не чувствовать себя крошечным и
незначительным в присутствии
гредноута. Почитаемый

герой ордена, Гризори сражался вместе с
Атитом на самой Терре и сразил десятки
архиврагов в

последние дни Великой войны.

- Думай о настоящем, неофит, - сказал
Астогель.

Несмотря на слова сержанта, мысленно
Кассиал продолжал возвращаться к
нашему

костическому десантнику, чье
генетическое семя вживили в его
собственное тело. В каких великих
войнах ему довелось участвовать? Сколько
жизней он отнял? Какая судьба постигла
его?

Заслуживал ли он, Кассиус, владеть
подобным наследием?

...

Пять минут до вхождения.

Обновленный статус багрянцем мигнул на
ретинальном дисплее Манакеля,
сидевшего в «Конь

Сангвиния». Воин поерзал, чтобы
приспособиться к слабому изменению в
гравитации, когда корабль

приготовился к вхождению в атмосферу.
Почти вот уже десять лет «Грозовой орел»
нес в бой его

вместе с братьями-штурмовиками.
Плавные изгибы боевого корабля стали для
него такими же

родными, как урчание силовых госпехов.

- Приготовиться, - голосовые связки

Манакеля были разрублены орочьим
ножом, и его слова

хрипом донеслись из механического
вокализера. Он почесал змеящийся по горлу
шрат, злясь на

лучительную пародию своего бывшего
голоса, и магнитно закрепил шлем.

- Я -- щение Его, а Он -- щит мой, --
Манакель покрутил в руках цепной меч
брата-сержанта

Серафима и, следуя ритуалу, прижал
острие его лезвия к палубе. Тот же орк,
который лишил

Манакеля голоса, убил Серафима, вырвав
из его груди основное сердце. Так седьмое
отделение

перешло под его командование. -- Мы
принесем погибель врагам Его, как Он
несет избавление

душам нашим.

Пока братья повторяли за ним боевую
литанию, Манакель чувствовал на плечах
всю тяжесть

ответственности, будто на грудь ему

поставил ногу Титан. До сегодняшнего дня
эти слова

произносил Серафим, а его изуродованный
голос был лишь грубым подобием
почитаемого брата-
сержанта.

Манакель был воином до мозга костей, но
понимал, что Лаххель или Нанаил стали
бы куда

лучшими командирами. Он чувствовал на
себе взгляды обоих костических
десантников и не

сомневался, что они также знали об этом.
- Как того пожелает кровь.

Манакель крепче сжал цепной меч
Серафима, закончил ритуал и раздавил
свои сомнения между

перчаткой и навершием оружия. Он
поведет так, как вели его самого,
решиительно настроенный

почтить дух наставника или умереть.
Скоро клинок Серафима вновь вкусит
крови.

Две минуты.

Амит стиснул пальцы, заставив заискриться поверхность цепных кулаков.

Каждая минута в

«Грозовом ястребе» казалась впустую, потраченной вечностью, пока он бессильно стоял вместе с

почетной гвардией -- девятью сильнейшими воинами Расчленителей.

Они были заключены в

керамитовом корпусе «Мести», каждую секунду ожидая, что из-за сбоя систем или нападения

упадут с небес к бесславной гибели.

- Вижу, вы так и не наведались к ремесленникам, лорд, - сказал Баракиил.

Амит по закрытому

каналу, указав на следы от пуль и царапины, которые покрывали доспехи магистра ордена.

- Доспехи пока работают, - безразлично ответил Амит. -- Их не нужно чинить.

Баракиил протолчал. Тактические средноутские доспехи были чем-то

большим, нежели просто

комплект брони. Они были реликвией
органа, артефактом времен, когда
человечество могло

создавать чудеса техники. Судя по всему,
ничего подобного больше не будет. Это
выводило из

себя то, что Алит не обслуживал их
надлежащим образом.

- Как скажете.

Алит ощутил, как от тона Баракиила в
нем поднялась волна гнева, но, по правде
говоря, он был

раг тысячелетнему отвлечению -- после
разговора они стали на секунду ближе к
высадке. Оба его

сердца сердца неутомно колотились в
грудь, словно звери, натягивающие
поводок. Ему

отчаянно хотелось спустить их,
позволить им биться с гулким темпом,
который требовался только

для боя. Алит заскрежетал зубами от
нарастающего пульса, отметив, как

счетчик задания в шлеме
мигнул на нүле.

...

Вхождение в атмосферу.

- Кровь Предателя, - брату-пилоту
Разиилу приходилось прилагать все силы,
чтобы удержатъ

«Грозовой орел» в воздухе, едва тот проник
в атмосферу четвертой планеты. Мышцы
рук молили

о передышке, когда ураганные ветра
начали вырывать у него управление. Они
били по корпусу

«Копья» и терзали крылья, угрожая сбить
корабль с курса. «Грозовой орел» дрожал и
гребезжал, как будто угодил под зенитный
огонь. Бронестекло кабины заволкло
пеленой угольно-черных

облаков, скрыв от Разиила дальнейший
путь. Несмотря на сенсорные модули
«Грозового орла»,

авточувства доспехов и собственное
усиленное зрение, пилот не видел дальше
носа корабля.

Пытаясь удержать текущую скорость и траекторию, Разиул открыл вокс-канал с ближайшим

«Грозовым ястребом».

- «Копье Сангвиния» вызывает «Ярость Баала», мы в критическом положении. Прием, - в ухо

завизжала статика. Он попытался снова и зарычал от очередного потока белого шума.

- Разиул, что, во имя Императора, происходит? У меня аварийная высадка проходила легче, -

раздался по внутренней комм-связи голос Манакеля.

- Радуйтесь, что мы вообще держимся в воздухе, брат-сержант, - ответил Разиул. -- Погода

ухудшается с каждой секундой, авгурные сигналы неразборчивы. Мы летим вслепую.

...

Астогель зарычал, когда над головой заорали сирены, резонируя от стен «Грозового ястреба».

- Кассиил, выясни, в чем дело. Узаил,
отключи сирену.

Узаил вырвал пучок кабелей из потолка и
перерезал их ножом. Едва сирены умолкли,
как опять

стал слышен гул двигателей «Грозового
ястреба».

Кассиил взобрался по лесенке в верхний
отсек. Прижав ладонь к биосканеру, он
вошел в круглый

люк, ведущий на летную палубу.

- Братья, почему вы не отвечаете на
запросы Асмогеля?

- Мы тут немного заняты, неофит,
ответил Орифиил. Обычно спокойный
голос второго пилота

превратился в сжатый рык, пока он стоял,
склонившись над панелью авгуров.

- Передай сержанту Асмогелю, чтобы
готовился к бою, - Михаил, стрелок
«Грозового ястреба»,

посмотрел в окно. - Там что-то есть.
Кровью своей чую.

На всех вокс-каналах рычала статика, и Алит ругнулся. Он не мог связаться ни с одним из

кораблей атакующего крыла. Внешние пункт-камеры «Громого ястреба» передавали на дисплей

шлема лишь темноту. Они летели в черной туче в одиночку и наугад.

Алит покачнулся, магнитные застежки на подошвах ботинок закрепили его на палубе, когда

«Громоу ястреб» согрознулся.

- Это не ветер, - заметил Баракиил.

- Согласен, - Алит открыл комм-канал с пилотом «Громого ястреба», едва по корпусу прокатился

резонирующий удар. -- Загкиил, отчет.

- Хвостовой стабилизатор поврежден, броня правого борта пошла трещинами.

- Причина?

- Незвестный контакт, лорд, - Загкиил казался отвлеченным. -- Анхело что-то заметил, но мы

потеряли его в этом чертовом облаке.

Наши авзұры слепы.

Алит зарычал, когда «Грозовой ястреб» снова загрожал, и с потолка посыпался сноп искр.

- Чем бы оно ни было, убейте его, прежде чем оно разорвет нас.

- Простите, магистр ордена, но как мы можем сражаться с тем, чего не видим?

- Когда сомневаешься, брат, убивай всех.

- Магистр?

Алит собрался объяснить, но Баракиил схватил его за наплечник.

- Если мы откроем огонь, то рискуем попасть по своим же кораблям. Если не изменим курс, «Копье

Сангвиния», «Ярость Ваала» и «Гнев смерти» окажутся в зоне поражения.

- Я понимаю это, но нас атакуют. Можно предположить, что остальные уничтожены или сбились с

курса, - Алит стряхнул руку Баракиила. - Загкиил, увеличить скорость и угол спуска...

- Лорд, если мы врежемся в гору...

- Мы приземлился немедленно или
погибнем! -- рывнул Алит, когда
«Грозовой ястреб» снова
тряхнуло.

Баракиил прикусил язык. Он доверится
воле Крови.

- Анхело, - провоскировал он стрелку. --
После следующего удара открыть огонь.
Только тяжелые

болтеры, - если другие корабли находились
в радиусе поражения, если на то будет
воля

Императора, разрывные снаряды не
нанесут и слишком большой урон. --
Стрелять до тех пор,
пока не сядет.

На дисплее Баракиила мигнула пара
икон.

- Кровь защищает.

...

Цель.

Цель потеряна.

Цель.

Цель по...

Манакель выключил вокс-канал, останавливая неуправляемую корректировку оружейного сервитора.

- Разиил, покинуть строй. Снижайся как можно быстрее.

Заговорил Лаххель.

- Если ты выйдешь из строя, «Ярость Ваала» окажется без прикрытия. Нам нужно держаться

стандартной скорости спуска и направления.

Манакель скрипнул зубами, когда очередной удар вжал его в подвеску.

- Мы не можем защитить самих себя, не говоря уже о «Смерти». Разиил, посади нас, -

механический хрип Манакеля казался еще более мучительным из-за непрерывных встрясок

боевого корабля. -- Сейчас же.

- Вас понял, включаю...

Ответ Разиила утонул в резком шквале разрывов по борту «Копья».

- Разиил!

- Мы под огнем!

«Грозовой орел» яростно затрясся от еще одной очереди. На этот раз снаряды изрешетили

корпус, оставив в стенке линию дыр, каждая из которых была размером с кулак. Манакель едва

успел прикрыть голову, когда транспортный отсек наполнился металлическими осколками.

- Маневр уклонения, аварийное снижение.

- Если мы врежется в другой корабль, нам конец, - сказал Лаххель. Его замечание прозвучало за

секунду до того, как корпус прошил очередной поток снарядов.

- Нам конец, если это продолжится, - прорычал Манакель, и его взгляд упал на изогранные трубы

Нанаила и Бархиила. Двое Расчленителей обтякли в подвесках с

зияющихти в груди осколочными
ранениями.

Корпус «Грозового орла» завизжал, когда
боевой корабль ушел в штопор.

- Разиил? - Манакель тщетно попробовал
вызвать по voxу пилота. Выругавшись, он
открыл

идентификационные иконки отделения.
Рұны Нанила и Бархиила погасли,
Разиила также -- пилот
погиб.

- Почивайте в мире, братья, - Манакель
кратко помолился и открыл ком-канал
отделения.

- Поднимайся, Люцифус, и опусти ратнұ.

Расчленитель, который ближе всех сидел
к люку, отстегнул подвеску.

- Наверное, последняя очередь повредила
сервоприводы, - голос Люцифуса звучал
напряженно, и

лишь тогда Манакель заметил, что
окератит вокруг его ребер блестит от
крови. -- Ее заклинило.

- Отойди, - прорычал Манакель и вжал

кнопку активации на ценном мече
Серафима. На доспехи
посыпались снопы янтарных искр, когда он
вонзил его в замок и разрубил
адамантиевыми зубьями
запорные механизмы. Застонав от усилия,
он подтянул колено до груди и ударил,
выбив дверь и

позволив переборке исчезнуть в бушующем
снаружи урагане.

- Мы не можем туда прыгнуть, - Лаххель
стоял у плеча Манакеля, но ему пришлось
кричать, чтобы

его услышали сквозь яростный ветер и рев
двигателей «Грозового орла».

Манакель обернулся к отделению,
выведенные на наплечниках символы
ордена пригали ему
решиности.

- Там, где обычный человек застынет на
месте, охваченный отчаянием,
костический десантник
должен действовать. Мы -- сыны
Сангвиния, и мы сражается до конца!

- До смерти! -- разом прокричали воины
Седьмого отделения, грохот кулаков по
наплечникам

прозвучал словно вызов хаосу,
воцарившемуся в «Грозовом орле».

Один за другим они выскочили из
падающего корабля, исчезая в облачном
море.

- Кровь защищает, - Манакель ударил по
шлему и ринулся пряником в пекло.

...

Едва Манакель выпрыгнул из корабля, как
его подхватил ветер и протащил под
фюзеляжем

«Грозового орла». На ретинальном дисплее
вспыхнули предупредительные символы,
когда он

врезался в корпус и пролетел сквозь струю
выхлопных газов, идущих из двигателя.
Огонь лизнул

его доспехи, испепелив пергаменты с
литаниями и опалив багровые пластины
брони. Скривившись

и ничего перед собой не видя, Манакель

ударился о крыло. Его отбросило от корабля.

Костический десантник включил прыжковый ранец. Ничего.

- Будь ты проклят, Марс, - выругался Манакель, когда высотомер на дисплее шлема начал

отсчитывать расстояние до земли.

Он попытался снова активировать прыжковый ранец. Двойные сопла кашлянули, выплюнули

пламя, будто соревнуясь с ветрами, но заглохли и погасли. Манакель продолжал падать. На

дисплее вспыхнула рана окончания, когда когитаторы госпехов предсказали ему гибель. Несмотря

на керамитовую броню и ударопоглощающую мембрану силовых госпехов, едва ли он переживет

падение. В Манакеле вспыхнул гнев, и с его губ сорвался звериный рев. Воины так не утирают.

- Кровь, даруй мне отмщение, - с этими

словати Манакель закрыл глаза.

...

Тучи рассеялись без предупреждения. Яркие лучи света от крыльев кораблей Расчленителей

пронзили ночное небо, озарив темные очертания громадных деревьев и черных горных вершин.

- Цель. Слава Императору. Вижу цель, - прокричал Анхело в вокс, как только заметил врага.

Раздался рев орудий -- «Месть» с новой силой открыла огонь, к грохоту тяжелых болтеров

присоединился треск лазерных пушек, когда «Громовай ястреб» взял противника на прицел.

Тугевшие от статики вокс-каналы ожили, и пилоты боевых кораблей начали координировать атаку.

На дисплей шлема Анимы потекли отчеты о многочисленных воздушных целях. Он отодвинул

сообщения в угол и вызвал вид из внешних

пикт-камер «Мести». Дисплей моргнул, а затем на

правом глазу открылось тактическое окно, позволив ему увидеть нападавших.

Вокруг боевых кораблей Расчленителей кружились четырехкрылые существа, размерами не

уступавшие «Грозовому орлу». Их тела и шеи покрывала чешуя, словно комплект сегментной

брони. Широкие лбы птичьих лиц сужались к крючковатым клювам, и у существ были глинные,

похоже на плети хвосты, которые заканчивались шарообразными костяными наростами.

Ближайший зверь использовал такую природную булаву, чтобы колотить по бронестеклу кабины

пилота «Мести». Из «Ярости Баала» вырвался луч раскаленной добела энергии, оставив в груду

существа широкую рану. Существо закружилось в воздухе, пока его не

изрешило очередью

тяжелых болтеров « Гнева смерти ».

Алит моргнул-щелкнул по нескольким
пикт-камерам, прокрутив множество
каналов, чтобы найти

самую панорамную картину боя. Зверей
осталось не больше десятка. Многие из
них были ранены, их панцири треснулись
под ливнем болтерных снарядов, но они
продолжали бросаться на корабль

Расчленителей, молотя клювами по
стабилизаторам и крыльям. Алит
восхищался их упорством,

но сопротивление было тщетным. Теперь,
когда авгуры прицеливания снова
работали,

Расчленителям понадобилось менее двух
минут, чтобы перебить зверей. Охранного
цвета туши

обрушивались с небес, словно листья, или
взрывались кровавым градом, когда
стрелки

Расчленителей брали их на прицел.
Оставшаяся пара существ, преследуемая

ракетами с

«Ярости Баала», набрала высоту и исчезла в облаках.

- Посади нас, - прорычал Атит, когда на дисплее погасла последняя иконка угрозы. Его кровь

кипела, пульс громом отдавался в ушах. Быть так близко к врагу, но не иметь возможности убить

его своими руками, было для него жестоким испытанием. -- Сейчас!

- Там некуда приземляться, магистр, - Задкиил пожалел о своих словах, едва они сорвались с его губ.

- Тогда пусть Анхело расчистит место, - голос Атита превратился в угрожающий рев, рокот

далекого грома перед бурей.

- Да, магистр ордена, - Задкиил не хотел напрасно тратить боеприпасы, но это все же лучше, чем

открыто бросать вызов Атиту, учитывая настроение лорда.

« Месть» обратила орудия на выдвигнувшуюся внизу землю, и чуть погодя огонь открыли также

« Зазубренный ангел» и « Ярость Ваала». Три «Грозовых ястреба» создали просеку, боевые

орудия выворачивали торчащие скалы, пока продолжительные очереди тяжелых болтеров

превращали деревья в дымку из щепок и измельченной листвы. Когда машины приземлялись,

двигатели кораблей довершили начатое, испепелив то не много, что осталось.

Штурмовая рампа « Мести» уже наполовину опустилась, когда посадочные когти коснулись земли.

Алит покинул боевой корабль пару секунд спустя, соскочив с края рампы на покрывавшую землю

влажную жижу. Почетная гвардия последовала за ним, вода штурмовыми болтерами из стороны в

сторону. Жужжащее пощелкивание

итурмовых пущек Дрүала и Тилонаса
состязалась с ревом

«Гнева смерти» и «Успивающего кровь»,
пока шестиствольные орудия переходили
на огневую

скорость вращения. С неба нескончаемым
потокот хлестал ливень.

Баракиил вышел вперед и направился к
опушке, под громадным весом доспехов его
ноги по

щиколотку увязали в болоте. Но дисплею
шлема потекли тактические данные, пока
авточувства

доспехов анализировали все, на что он
смотрел.

- Угроз нет. Зона безопасна.

- Что с остальными? -- спросил Атит.

- Все корабли приземлились, за
исключением «Копья Сангвиния»,

Баракиил не сводил взгляда с

леса, в последний раз просканировав
местность, прежде чем вернуться в строй
почетной гвардии

возле «Гротового ястреба».

- Уничтожен?

- С «Гнева смерти» заметили его падение.

- Выжившие?

- Неизвестно, лорд.

Алит зарычал и указал на окружающий их лес, задаваясь вопросом, какие опасности их там поджидают.

- Пусть Биеил со своим отделением выжжет деревья в радиусе десяти метров.

В бою Расчленитель был равен орку, но магистр ордена был без понятия относительно

численности и расположения вражеских сил. Если зеленокожие нападут в достаточном

количестве, Расчленителям грозило уничтожение. Важно расчистить территорию и создать

огневой мешок, который позволит им проредить ряды орков, прежде чем встретить их кулаком и клинком.

- Я хочу установить оборонительный периметр за десять минут.

На дисплее Алита мигнула рунa подтверждения, и Баракиил отправился выполнять приказ.

- Асмогель.

- Да, лорд, - голос сержанта по воксу прозвучал искаженными обрывками.

Алит остановился, встатриваясь в крошечный трак ночного леса. Лабиринт деревьев и глиной

травы уставился в ответ, их внушительные очертания озарались вспышками молний, которые то и дело прочерчивали небо.

- Найди мне орков.

Многие погибли в тот первый день. Но намного меньше пало позже и еще меньше тех, кто

умер впоследствии.

Мы спустились с небес, ангелы огня и смерти, ведомые жаждой мести. Но четвертая планета

оказалась миром смерти, покрытым

диким лесом, который кишел
безжалостными животными
и опасными растениями. Это была не
прощающая ошибок земля, которая
стремилась

наказать всякого, кто осмелился ступить
на нее. Мы называли ее Кретацией, что на
древнем

песочном письме Ваала означало
«Рождение гнева».

Как и ты, Кретация была
непревзойденным убийцей. В самом ее
воздухе витала жестокость.

Ветры походили на удары грозного зверя,
который стремился сбросить нас с небес;

кислотные слезы туч, черных, словно
призраки, разъедали багрянец нашей брони.

Смерть

поджидала на каждом шагу, оценивая нашу
силу и испытывая решимость. Мы
походили на

ангелов из древней терранской легенды,
которые угодили в ад.

Но, невзирая на все испытания, гнев

Кретацци еще не угас.

Вторая глава

Выживание

Астодель поднял кулак и затер.

По лбу Кассиула градом катился пот, непрерывно скапывая с подбородка -- скорость движения

была крайне изнурительной. Скаут присел, стараясь отдышаться. Лесной воздух был влажным,

наполненным незнакомыми запахами.

- В чем дело, брат? Мы идем слишком быстро? - в вокс-бусине Кассиула тихо затрещал голос

Мелехка.

- Щенку следовало остаться в тренировочных клетях, - в отличие от Мелехка, в тоне Узаула не чувствовалось ни капли тепла.

Кассиул протолчал. Его кровь и так бурлила, и он не хотел потерять самообладание из-за

азвительных слов Узаила. Он дожидается
окончания задания и только затем
ответит на брошенный

этим отбросом вызов. Скаут стиснул зубы
и отвернулся. Хотя его от братьев
отделяли не больше

десяти шагов, Кассиил едва мог их
разглядеть. Они двигались тактически
распределенным

строем, основы которого были изложены в
новом Кодексе Астартес, между ними
находились

тонкие высокие деревья, увитые
ползучими лианами, и кустарники.

Благодаря такому построению

враг не мог наткнуться на все отделение
сразу, и скауты могли быстро
контратаковать. Каждый из

скаутов являлся одновременно и
потенциальной приманкой и
подкреплением. Но Кассиил, даже

не видя, знал, где находятся остальные.
Обучение и инстинкты помогли здесь
куда больше, чем

глаза. Мелехх шел правее него, Цзаил
далеко слева и сзади, в то время как
Хатиед находился

справа, а Асмогель прямо впереди.

- Прекратить болтовню, - сказал по комту
Асмогель. -- Всем избавиться от запаха.

Кассиил опустился на колени и погрузил
пальцы в землю. Зачерпнув пригоршню
земли

вперетешку с палой листвой, он втер ее в
лицо и волосы. Следующую горсть он
размазал по

госпехам и оружию. Хотя ни один скаут
не надругался бы наг символами и не
осквернил бы

благословенную Кровью кожу земель этого
дикарского мира, все понимали важность
подобного

действия. Чтобы содержать снаряжение в
рабочем состоянии, сервы ордена регулярно
смазывали

его освященным елеем и очищающими
маслами, но они имели характерный
запах. Скаут должен

полностью слиться с местностью. Кассиилу следовало стать неприметным, как насекомое, которое копошится в земле или лезет на дерево. В любом случае смерть не заставит себя ждать.

- Кровь... - по воксу раздалась брань Узаила, и секунду спустя болт-пистолет скаута гневно взревел.

Кассиил вскочил на ноги и направился к позиции брата прежде, чем успел прозреть второй выстрел. Услышав крик Узаила, скаут прибавил скорости, невзирая на хлещущие по лицу глиняные

ветки. Кассиил добрался до скаута на секунду раньше Асмогеля.

Над сержантом, едва ли не вдвое превосходя его ростом, возвышалось громадное трехголовое

растение. Его пасти цвета побуревшей ржавчины, похожей на отвалившиеся куски коры под

ногами, сожмнулись на теле Узаила.
Зазубренные ряды зубов-кинжалов пронзили
его плоть и

органы, позволив растению высасывать
кровь из скаута.

- Императора раги, утолкну, - прорычал
Асмогель и оборвал страдания Узаила
выстрелом из

болт-пистолета. Разрывной снаряд разнес
голову скаута на куски.

Если бы не быстрое милосердие Асмогеля,
Узаила ждало бы медленное, болезненное
обескровливание. Кассиал выкрикнул и
открыл огонь, разорвав стебель растения и
заставив

головы бессильно упасть на землю.

- Назад! -- предупредил Мелехк.

Кассиал отпрыгнул.

Через секунду Мелехк, заглушая шум леса,
принялся палить из тяжелого болтера по
дюжине

растений, которые появились вокруг
поверженного собрата. На руках скаута
вздулись тогучие

мышцы, принята на себя отдачу оружия.
Мелехк сосредоточил огонь на ближайшем
растении и

прицельной очередью разнес ему головы.

- Оттеснить их на десять шагов,
- послышался приказ Асмогеля сквозь
ритмичный грохот оружия

Мелехка.

Кассиул зарычал и, достав нож, разрубил
покрытую колючками лиану, которая
летнула к его

горлу. Скаут поравнялся с Хамиегом и
ухмыльнулся, когда болт-пистолет
вздрогнул в руке и

массореактивный снаряд превратил в
кашу стебель еще одного растения.
Переключившись на

автоматический огонь, он повел оружием
из стороны в сторону, чтобы прикрыть
Хамиега, когда

ветеран-скаут стал активировать
осколочную гранату.

- Ложись! - взревел Хамиег и метнул
гранату в гущу растений.

Не переставая вести огонь, Кассиил упал на колени. Взрыв испепелил несколько растений и

изрешетил остальных градом осколков и проволочными фрагментами. Кассиил поторщился, когда

его окутала дымка спор, принявшихся жалить неприкрытое лицо. Из глаз брызнули слезы. Даже

погибая, проклятые растения пытались прикончить его.

Асмогель поднял кулак.

- Прекратить огонь! Берегите боеприпасы.

Из-за бешено колотящегося сердца Кассиил едва расслышал голос сержанта.

Остальные

растения находились слишком далеко, чтобы представлять опасность, но это не имело значения.

Его это совершенно не заботило. Он не собирался проявлять к ним ни пощады, ни снисхождения.

Вложив нож обратно в ножны, Кассиил

подобрал болт-пистолет Узаила. Он
поднялся на ноги и тут

же открыл автоматический огонь по
зарослям враждебной растительности.

- Довольно! -- взревел Асмогель и, схватив
Кассиила за руку, отвел ствол оружия в
землю. -- Ты не

можешь отомстить всему миру с парой
болт-пистолетов.

Кассиил зарычал от злости, продолжая
целиться другим оружием в сторону леса.

- Но Узаил, наш брат... мы должны...

- Мы ничего не должны! -- Асмогель
сплюнул, забрызгав лицо Кассиила слюной. --

- Ты зовешь

Узаила братом, потому что делишь с ним
Кровь. Но ты ничего не знаешь об узах
братства, о боли, которая сковывает нас
крепче кератита, - Асмогель ударил по
нагруднику, а затем оттолкнул

Кассиила резким ударом в грудь. -- Когда
ты прольешь кровь за орден, только чтобы
увидеть, как

те, ради которых ты страдал, в конечном

итоге скатываются в безумие, тогда и
будешь говорить
мне о тесноте.

Кассиил опустил оружие, все еще грожа
от гнева.

- Я...

- Утолки, - приказал Асмогель, не сводя
глаз с Кассиила. -- Мне не нужны ни твои
извинения, ни

оправдания. Мелех, заberi тело Узаила.
Хатиег, прикрой с тыла. Убедись, что ты
не привлечет

к себе лишнего внимания, - Асмогель
отвернулся от Кассиила и обратился ко
всему отделению. --

Выдвигается.

...

Боль привела Манакеля обратно в
чувство. Такого страдания он прежде не
испытывал, его тело

как будто сохранило каждую рану,
которую он когда-либо получал, и в один
миг открыло их все. Он

с трудом моргнул, чтобы прочистить

глаза, и сосредоточился на потоке тактических данных и

биометрических показаний, подрагивавших на ретинальном дисплее.

Разозлившись, он попытался

моргнуть-щелкнуть и убрать их, но бессмысленные символы нигде не делись.

Когитаторы шлема

получили повреждения. Он активировал вокс и поторщился, когда в ухе зашипела статика.

- Бесполезный кусок железа, - взревел Манакель, и, выплюнув неразборчивые проклятья, сорвал

шлем с фиксаторов, и отбросил его.

Зарывав, воин поднялся на колени. Только тогда Манакель заметил, что все еще сжимает цепной

меч Серафима. Он крепче схватился за рукоять, стараясь унять боль, которая охватила его.

- Похоже, я сдержу обещание, брат-сержант, - процедил Манакель сквозь наполненный слюной

рот -- побочный результат действия
болеутоляющего, бионутриентов и
адреналина, которыми его
накачали доспехи. Он сплюнул слюну
цвета желчи и чуть ослабил хватку на
мече, когда коктейль
лекарств начал действовать.

Другая его рука безвольно висела, его
предплечье было сломано под
тошнотворным углом.

Воткнув меч Серафима в землю, он
отсоединил наруч и перчатку, а затем
взялся за
поврежденную руку.

- Кровь, даруй мне силы.

Лицо Манакеля исказилось от боли, когда
он резко вправил кость. На секунду боль в
остальном

теле потеряла. Скривившись, он сжал
пальцы. Если будет на то милость
Сангвиния, рука вскоре
начнет исцеляться.

Манакель со стоном поднялся на ноги.
Сервоприводы эхом отозвались на его

усилия, забывжав,

когда он попытался встать. Без дисплея
шлема воин не знал, насколько повреждены
госпехи. Но

как бы плохо все не обстояло, он должен
справиться. Нажав кнопку отсоединения,
Манакель

позволил остаткам прыжкового ранца
упасть на землю. Двойные цилиндрические
сопла

раскололись при падении, и он сомневался,
что даже мастера-ремесленники ордена
спулеют их

починить. Достав упаковку керамитовой
пасты из отделения на бедре, Манакель
нанес вязкую

жидкость поверх трещины в пластине на
животе. Засохшее на воздухе вещество
сохранит

герметичность госпехов, пока
костический десантник не сможет
провести более серьезный
ремонт.

Удовлетворившись тем, что его госпехи в

приемлетом состоянии, Манакель
принялся

обследовать тело, сосредоточив внимание
на многочисленных ощущениях, которые
старались

привлечь к себе внимание. Одно за другим
он проанализировал их, попеременно
напрягая мышцы

там, где что-то казалось ему необычным,
сверяясь с хранящимися у него в памяти
принципами

оказания первой помощи. Политравма
третьей степени, несколько очагов боли и
множественные

повреждения... но его конечности остались
целыми и находились в пределах боевой
эффективности, следовательно, сейчас
апотекарий ему не требовался.

Манакель испустил долгий вздох
облегчения и посмотрел на луч света,
пробивавшийся сквозь

дыру в пологе листвы, которую он оставил
при падении. Если выжил он, то, возможно,
смогло и

остальное отделение.

Выдернув меч Серафима из земли, Манакель стиснул рукоять двумя руками и приложил лезвие к

груди. Он вырос на Аракелле, мире воинственных племен. Среди его народа ходила пословица:

«Как мужчина находит путь к женщине, так оружие находит путь к войне». Эти древние слова

были исполнены поэтичности. Использование клинка в качестве волшебной лозы казалось

безумием, но иного выбора у него попросту не оставалось.

- Направь мой гнев... - Манакель уставился на оружие и провел им вокруг себя. Он прокусил губу и

сплюнул на лезвие кровь. -- Веди меня к месту.

...

Татир следил за багровым великаном с дерева утатон, скрытый пологом кинжально-острой

листвы. Это был уже седьмой зверь, на которого он натолкнулся за последнюю пару часов. В

отличие от остальных, этот был еще жив.

Он видел, как те падают с неба, словно капли крови, которые, несмотря на ветер, извергали

пламя. Но звери быстро поняли, что жестоко ошиблись. Разъяренные ветра бросили их на землю

и разметали по лесу, словно слабых детей племени, которых старейшины сбрасывали с утесов

Улсе. Хотя не ветра были повинны в смерти остальных, по крайней мере не всех. Тамир нашел

нескольких великанов разорванными на куски, их внутренности были разбросаны по земле, от

конечностей остались мясистые ошметки. Каксароз наткнулся на них первым. На их багровых

шкурах остались его следы. Тамир

безошибочно узнал резцы хищника.

Багровые великаны отличались, хотя и выглядели не менее впечатляюще, от зеленокожих тварей, которые погубили его деревню. Тамир с благоговением наблюдал, как стоящий перед ним великан

остотрел красную шкуру, а затем снял свое лицо и отбросил его. Охотник подался ближе и

поторщился, когда тот сел. Разозлившись на свою непонятливость, Тамир тихо проворчал и

коснулся черепа герцога, который защищал его голову. Великан носил шлем. Он хотел было

подползти ближе, но шок приковал его к месту. Хотя у великана был широкий лоб и бледная кожа, под шлемом скрывался человек, такой же, как он сам.

Тамир скорее почувствовал, нежели услышал, как тревожно зашепталась сотня воинов, которая

собралась рядом с ним в зарослях, пытаясь понять, на что же они смотрят. Тамир

махнул рукой в

сторону земли, приказав воинам
замолчать и не шевелиться. После гибели
деревни он собрал под

свое зная много племен, и еще больше с
тех пор, как с неба упали багровые
великаны. Слухи о

появлении великанов разлетались, будто
дождевая вода, из ртов всех, кто мог
говорить, грозя

утопить племена в страхе. Вождь Сабир
говорил о духах воздуха, сотворенных из
крови

покойников, которые вернулись за живыми.
Вождь Ра'д верил, что великанов
породили горы. По

его словам, они были созданиями огня и
тепла, посланными, чтобы испытать
людей на храбрость.

Он с Сабиром находился по другую сторону
зарослей, наблюдая за великаном вместе со
своими

охотничьими группами. Почтенный вождь
Аббас заявил, что его дед прежде уже

видел таких

великанов, они происходили из племени великих чудищ, которые обитали за облаками, там, куда

не долетали даже ранодоны. Аббас вместе с сотней воинов разбил лагерь в паре минут бега

отсюда, готовый в случае необходимости присоединить свои конья.

Тамир раздраженно прищелкнул языком. Он понятия не имел, кем или чем были великаны, но не

сомневался, что Сабир и Ра'г ошибаются. Духи воздуха не истекают кровью, а дутья гор не

ввязывалось бы в драку с каксарозом, который дремал на склонах. Возможно, Аббас был прав,

возможно, великаны на самом деле были чудищами, с которыми ему раньше не приходилось

сражаться. Тамир подался вперед, желая увидеть, что великан сделает дальше.

Но великан вдруг взревел, Тамир на

мгновение затер и потянулся к клинку.

Заметив сломанную

руку, вождь успокоил себя. Ему больно. Он
пополз ближе, пристально следя, как
великан

схватился за раненую конечность и с
хрустом вправил ее на место. Великан на
секунду застыл, словно впад в транс.
Тамир обратил внимание на массивный
меч, торчащий из земли. Ужасное

оружие было шире и глинянее его самого.
Оно напомнило ему Клинок Бога, который
хранился в

пещере древностей. Он был высечен из зуба
кергазавра, и поговаривали, что его
изготовили сами

творцы. Ни один воин не мог поднять его.

Глаза Тамира расширились, когда он
увидел, как великан без труда вырвал меч.
Он ухмыльнулся.

В отличие от зеленокожих, этот зверь
станет достойным противником.

...

Алит стоял на крыше «Мести» и

встративался в сумрак. Его командное
отделение сидело внутри
боевого корабля вокруг пульты данных,
изучая тактический гололит. Но он хотел
своими глазами
проследить за ходом работ. Тщательно
выверенные лучи света и
пространственные
сопоставления никогда не смогут
изобразить мир по-настоящему. Ни один
компьютер не смог бы
вычислить преимущества местности.
Аким потянулся и снял шлем. Его глаза
были единственным
фильтром, которому он полностью
доверял.
Снаружи еще царил крошечная тьма,
ночи на планете казались бесконечными,
но ему
потребовался лишь миг, чтобы
привыкнуть к темноте. Ливень стих до
легкой измороси, в воздух
поднималась дымка. Аким чувствовал,
как на веки оседает влага и собирается в

порщинах на лбу.

Воздух наполнился густым едким запахом прометия и недавно детонировавших мелта-зарядов.

Он оглядел возведенный лагерь. Рота без устали трудилась, чтобы обезопасить зону высадки.

«Грозовые ястребы» и «Грозовые орлы» расположились, словно спицы гигантского колеса,

носатки в сторону леса, благодаря чему могли быть использованы в обороне.

Боевые корабли

обрыли окопаты, которые протянулись в пятидесяти метрах перед ними. В угловых точках окопов

разместили снятые с «Грозовых орлов» тяжелые болтеры, которые использовались теперь в

качестве оружейных турелей. Еще дальше полыхали огненные ямы, созданные при помощи мелта-

зарядов. За ними клубилась дымовая завеса, там сержант Агадон и его люди

выжигали деревья,

чтобы создать огневые мешки.

Глубокие ямы, за которыми расположились воины и тяжелая огневая поддержка, составляли

основу лагеря. По сравнению со стандартом, эти укрепления можно было считать грубыми и

примитивными. Амит понимал это, как и то, что его воины не были мастерами осады, вроде сынов

Дорна, а их наспех возведенные заслоны в подметки не годились хитро построенным

укреплениям, которыми Имперские Кулаки приводили врагов в замешательство и направляли в

смертельные зоны обстрела. При мысли о Кулаках, прячущихся за стенами, Амит ухмыльнулся. Не

случайно они носили цвета трусости, в то время как госпехи Расчленителей были выкрашены в

цвет пролитой крови.

Амит с гордостью наблюдал за работой

своих воинов. Сыны Сангвиния были
убийцами, а не
сторожами. Они встречали силу с еще
большей силой, а вражеский гнев --
собственной яростью.

Линия обороны представляла собой лишь
место, откуда они начнут наступление.

- Лорг, - прохрипел в вокс-бусину Алита
металлический голос Гризори. -- Мы
можем поговорить?

Гризори сражался вместе с Алитом на
протяжении многих десятилетий, они
были друзьями со

времен старого легиона. Формальный
характер его просьбы говорил об очень
многом. Алит

вздохнул, готовясь к неизбежному. Он
взглядом отыскал гредноута, который
поднимал генератор

на юго-западном укреплении. -- Говори.

- Зачем ты строишь укрепления? -- В
предыдущей жизни голос Гризори был едва
ли не

мелодичным. Литании боя слетали с его

уст, словно баллады древней Терры. Но
сейчас он

больше походил на скрежет ржавых
шестерней -- гулкий механический звук,
отфильтрованный

через резкий усилитель для создания
синтетического подобия речи. -- Орки
побеждены. Они не

ищут нас. Мы должны выследить и
перебить их.

- И что ты предлагаешь? Бродить по
лесу, пока не натолкнется на зеленокожих?

- Мы попусту теряем здесь время.

- Может. А может, и нет. Но мы не
знаем, что еще водится на этой планете,
а я не хочу, чтобы

меня опять застали врасплох, - Алит на
мгновение остановился. -- В этом месте
что-то есть,

Григори. Оно похоже на ту сотню миров,
на землю которых мы ступали. Но
одновременно

отличается от них не меньше, чем мы от
тех крылатых тварей, которые напали на

нас. Я останусь

здесь до тех пор, пока не узнаю причину.

- Как скажете. От скаутов были известия?

- Сержанты Анхело и Рафаил докладывают об отрицательном контакте.

- Что с Асмоделем?

- Его отделение вышло из зоны действия вокса около двух часов назад.

- Похоже, возраст одолевает даже самых стремительных из нас. Он становится медленным.

Алит ухмыльнулся, хотя слыл сказанной другим шутки не укрылся от него.

- Асмодель вернется в зону действия вокса через восемь часов. Лучше успеть к этому времени

закончить укрепления.

- Как пожелает Кровь.

Алит повторил следом за Гризори и снова уставился на лес. В ответ на него посмотрели

тянущиеся в бесконечность ряды огромных
деревьев. Их очертания походили на
клинки,

выкованные из самой ночи и воткнутые в
землю в знак предупреждения. Он
почувствовал, как

участился пульс, от сердцебиения
загрожали тыщи, и всего на мгновение
Амиту показалось,

будто вдали кто-то зарычал.

...

Кассиил следовал за Асмогелем,
пробираясь по лесу так быстро, как только
позволяла разумная

осторожность. Пологая земля постепенно
превратилась в нескончаемую череду
ущелий и обрывов.

Судя по редким разговорам с остальными
скаутами, Кассиил понял, что этот мир
не прощает

ошибок, как и любая из сотен планет, на
которых пришлось побывать Асмогелю.

Дождь хлестал

непрерывным потоком, превращая землю в

кашу из грязи и лисвы. И все же жгучую
боль в бедрах

и мышцах ног игнорировать было куда
проще, чем нарастающее внутри
раздражение. Он устал от

охоты. Он хотел сражаться, убивать.
Скаут чувствовал, как клокочет в венах
кровь, ревя, будто
гром в небесах над ними.

Кассиал открыл безопасный котл-канал с
Мелехом.

- Мы можем вечно бродить по этой
забытой Императором земле и не найти
орков.

- Не волнуйся. Если дело только в этом,
Астогель все равно найдет, на кого
поохотиться. Он
всегда находит.

Кассиал тихоходом заметил огромные,
похожие на утесы плечи скаута, который
прошел слева от

него. Даже с тяжелым болтером и
переброшенным через плечо телом Узаила
Мелех не отставал

от остального отселения. Если
дополнительный груз и доставлял ему
неудобство, он не подавал

виду. Кассиил ухмыльнулся, вспомнив
взбучки, которые устраивал ему Мелех в
тренировочных

клетях, и обрадовался, что ему придется
столкнуться лишь с орками.

- Думаю...

- Впереди поляна. Семь метров, -
прошептал по когтму Хатиег, оборвав
ответ Кассиила.

- Кассиил, - Асмогель приказал скауту
пойти на разведку.

Субвокализирував подтверждение, Кассиил
осторожно двинулся вперед. Он присел,
ползком

преодолев последний метр. Взобравшись
на скальное возвышение, скаут раздвинул
панорамники

и оглядел поляну.

Повсюду валялись мертвые орки.
Огромные груды выпотрошенных, словно
скот, трупов, их

внутренности были вырваны и разбросаны по сломанным деревьям и развороченной земле.

Кровавые капли и потки кишок висели на глинистой траве и нижних ветвях окружающих деревьев, словно отвратительная роса.

- Отчет, - затрещал в котл-бүсине Кассиула голос Асмогеля.

- Орки, брат-сержант. Десятки, - шепнул Кассиул, зная, что микробүсина в горле распознает едва

заметные колебания его голосовых связок.

- Их выпотрошили. Следов выживших нет.

- Ловүшка? -- холодный голос Хатиега звучал еще более бесстрастно по котл-каналу.

- Возможно. Известно, что отдельные группы орков иногда дерутся между собой. Они могут ждать, что мы пойдем остратривать тела, - предположил Мелехк.

- Не думал, что орки достаточно хитры для уловок.

Хатиег весело зарычал в ответ на замечание Кассиила.

- Считай, что добыча умнее тебя. Дольше проживешь.

- Хватит, - в голосе Асмогеля чувствовалось раздражение. -- Кассиил, взгляни поближе.

Кассиил продвинулся на пару метров, пробираясь между покрытым шипами кустарником и

остатривая деревья. По орочьим тропам бежали ящерицы размером с кулак, отрывая от них

кусочки мяса. Переливающиеся птицы в относительной безопасности сидели прямо над головой,

защищенные естественной расцветкой своего оперения. Если орки поджигали их, то проявляли не

свойственное им терпение.

- Видимых угроз нет.

- Мелехк, прикрой нас из леса. Хатиег, обойди с северо-востока. Кассиил, со мной.

В ответ на приказы Асмогеля по комту

пропищала серия подтверждений.

Кассиил спустился по пологому наклону и опустился на корточки, изучая через телешушкү болт-

пистолета учиненную на поляне бойню.

На открытое пространство справа от него шагнул Асмогель, его оружие пока оставалось в кобуре.

- Чисто. Выходите.

По приказу сержанта Хамиег и Мелехки вышли на поляну, последний продолжал нести тело

Цаила.

- Нет следов плазменных ожогов или осколочных ранений, - Хамиег ткнул носком ботинка труп

орка, подняв рой мух.

Кассиил остановился, чтобы погладить горсть грубого вида гильз.

- Теплые. Стреляли меньше часа назад.

- Они оборонялись. Что бы ни убило орков, оно не пользовалось оружием, - трачно заметил

Мелехк.

- Мелехк, посчитай количество трупов, -
отрезал Асмогель и внимательно
осмотрел пару

глубоких следов. -- Хатиег, что скажешь
об этом?

- Похоже на какого-то зверя. Но не орка,
они слишком глубокие, - Хатиег вложил
руку в

углубление. -- И слишком маленькие для их
боевых тварей.

- Сюда, - Кассиал присел на
противоположном краю поляны.

- Что там? -- спросил Асмогель.

- Орочьи следы.

- Ты уверен? -- Асмогель вскочил на ноги, в
его голосе почувствовался загор.

- Да, но не очень много. От силы с
полдесятка.

- Следы ведут в ту сторону, - Хатиег
протолкнулся мимо Кассиала, чтобы
взглянуть поближе. --

Похоже, они сбежали от того, что напало
на них.

- Отметьте местоположение, мы пойдем
по следу существа позже, - губы Асмогеля
скривились в

кровавой улыбке. -- Пришло время
нашим клинкам отведать орчатины.

...

Манакель повертел наплечник в руках. По
керамитовой пластине пролезли глубокие
борозды, в

нескольких местах зияли рваные дыры.
Что бы ни убilo Лаххеля, оно было
огромным.

- Почивай рядом с Нил, брат, - Манакель
опустился на колени, положив наплечник
возле останков

Лаххеля. От штурмового десантника
осталась лишь отсеченная голова и рука,
все еще сжатая

болт-пистолет. -- Клянусь Кровью, я
отомщу за тебя.

Едва слова сорвались с уст Манакеля, как
он уже сомневался в них. За последнюю
пару часов он

уже дважды произнес эти слова. Раз, дабы

почтить память Люцифуса,
обезглавленный труп
которого он нашел привалившимся к
сломанной ветви, его нагрудник был
разворочен, а все
внутренности съедены. Второй раз, когда
нашел разбросанные детали доспехов и
пятна крови.

Лишь попробовав образец ткани и позволив
преотнорной железе проанализировать их
биохимическую структуру, он понял, что
тело принадлежало Орадиилу.

...

Манакель зарычал, подумав о мертвых
братьях. Он не допустит, чтобы его
обещания оказались
пустыми. Воин поднялся на ноги и окинул
взглядом лес в поисках чего-то, на чем он
смог бы

выместить злость. Армия деревьев,
похожих на часовых, тихо шелестела на
ветру. Они ничем не
отличались от сотни тех, которые
Манакель миновал за последний час.

огромные копыта, за чьими

изгольчатыми ветвями скрывалось небо.

Деревья стояли неподвижно, пока мир
вокруг них сходил с

ума. Манакель ненавидящим взглядом
установился на ближайшее из них.

- Я превращу тебя в пепел, - дерево не
испугнулось, даже не вздрогнуло. Его кора
оставалась все

такой же гладкой, будто издеваясь над
Расчленителем.

Манакель взревел, нажал активационную
кнопку на цепном мече и бросился к дереву.
Схватив

оружие двумя руками, он погрузил лезвие в
ствол. Адамантиевые зубы оружия
зарычали,

пережевывая дерево, но доспехи
Манакеля забарабанили щелчки. Заорав от
ненависти, он

вырвал клинок и ударил обратным ударом.
Он продолжал бить снова и снова, оставляя
в дереве

глубокие шрамы.

- Пагай! -- прорычал Манакель сквозь стиснутые зубы. Отбросив меч, он принялся колотить по

стволу кулаками. После каждого сокрушительного удара в коре оставались вмятины, но дерево и

не гудало пагать. Но Манакель продолжал бить его, не слыша хруста костей. Он изо всей силы

ударил снова, на этот раз головой. По стволу побежала трещина, и, пошатнувшись, Манакель упал

на колени и пришел в чувство.

- Император, дай мне успокоение, - с трудом дыша, прошептал Манакель.

Но Император не слышал его.

Мило лица Манакеля просвистело деревянное копье, которое, оборвав его воспоминания,

погрузилось в землю возле останков Лаххеля.

Он зарычал и, поднявшись на ноги, обернулся в сторону напавшего. В двадцати шагах от него

стоял человек. Оторопь частично
затмила гнев Манакеля, пока он
разглядывал его. Ему было не

больше тридцати терранских лет, на
нем была лишь зелено-коричневая цвета
повязка из

шероховатой шкуры какого-то зверя. На
шее висели нанизанные на связанные лианы
птичьи

череп и небольшие кости. Тело увивали
тугие мышцы, кожу покрывали грубые
татуировки и

шрамы. Хотя и впечатляющий, воин не
превосходил размерами обычного человека,
в нем не было

следов генетического усиления или других
улучшений. Он не смог бы разорвать
Лаххеля и

остальных.

- Убирайся, и будешь жить, - рявкнул
Манакель, не желая попусту терять
время.

Воин что-то гневно прокричал на языке,
который Манакелю не приходилось ранее

слышать, и,

словно прижат, вытянул челюсть и сплюнул на землю, подчеркивая слова.

- Не ввязывайся в бой, в котором не победишь, дукарь, - тыщи Манакеля напряглись в ожидании.

Воин закричал и метнул в него еще одно копье.

Манакель зарычал, проследив за полетом оружия. На этот раз воин не собирался промахиваться.

Он позволил копью удариться о наруч. Оно отлетело на землю, крепнейший наконечник раскололся

о броню. Манакель почувствовал, как в нем закипает кровь, будто лава в вулкане. Он оторвет

этому жалкому человечешке руки. Костический десантник сделал шаг вперед, но остановился,

успокаиваясь. Человек не имел никакого значения. Ему нужно отыскать отделение, отомстить за

братьев.

- Покажи. Покажи, кто виновен в этом, и останешься цел, - голос Манакеля походил на рокот

голны, когда он указал на труп Лаххеля.

Воин принялся вопить и кричать, затем достал пару клинков и бросился в атаку.

- Значит, смерть, - Манакель стоял на месте, не шевелясь на протяжении трех вдохов, которые

понадобились человеку, чтобы пробежать десять шагов. Потом одним плавным движением он

выхватил нож и метнул его. Тот попал человеку прямо в грудь, заставив его перевернуться в

воздухе, и вырвался из спины. Дикарь умер еще до того, как коснулся земли.

В воздухе запахло свежей кровью, приветствуя Манакеля знакомым ароматом старого друга. Он

принюхался и вздрогнул, стараясь взять себя в руки. Он не позволит крови слабачки заставить его

сердце биться чаще. Манакель собирался
уже повернуться обратно к Лаххелю, когда
вокруг него

раздалась оглушительная какофония
воинственных кличей.

Орда варваров, одетых в такие же
обноски, как и тот, с которым он только
что расправился,

ринулась на Манакеля со всех сторон.
Прикрывая лицо от града копий,
полетевших в его сторону, он насчитал
почти сотню.

«Лаххель. Они пришли за Лаххелем», —
гоголка полыхнула в мозг Манакеля,
подавив все

сознательные мысли и разрушив остатки
его самооблагания.

— Вам его не взять! — проревел Манакель,
надвигаясь на дикарей. Он все же
отомстит. — Я убью

вас всех. Я выслежу ваших матерей и
перебью ваших сыновей. Я оборву ваш
языческий род и

утоплю ваш жалкий мир в крови.

Выплывавшая литании ненависти,
Расчленитель сорвался на бег и бросился
на самую большую

группу нападавших. Он врезался в их ряды
и в одно мгновение разбросал людей во все
стороны.

Манакель плечами откидывал людей,
других сшибал с ног мощными обратными
ударами и давил

упавших ботинками. Каждый карающий
удар ломал кости и обрывал жизни.
Манакель не слышал

их воплей, он не слышал ничего, кроме
рева собственного сердца. Он кричал,
наслаждаясь вкусом

дикарской крови, забрызгивавшей его лицо
и затекавшей в рот.

« Жить -- значит убивать. Жить, чтобы
убивать -- значит принадлежать роду
Крови».

До этого момента смысл высокопарных
слов капеллана Зофала ускользал от
Манакеля. Он

ухмыльнулся от безумного наслаждения,

не замечая глубин, которые колотили по его броне,

словно ливень, и секущих ударов, оставлявших царапины на его щеках и лбу.

Манакель

продолжал убивать. Растопыренными пальцами они пробивал тела дикарей с той же

необузданной яростью, с которой цепной меч взгрызался в плоть. С неослабевающей энергией он

потрошил и давил, убивал и снова убивал.

Мертвые грохотались вокруг него, пока он не оказался

по колено в крови и расчлененных телах.

Но он не останавливался, не замедлялся.

Поднимая

тела павших, Манакель бросал их в тех, кто пытался убежать. Никто не уйдет от его гнева.

...

Тамир недоверчиво смотрел, как великан истребляет охотничью группу. Он никогда раньше не

видел, чтобы что-то настолько большое
двигалось так стремительно. Великан
был плавным, как

вода, и наносил удары с силой,
достаточной, чтобы расколоть камень. Но
его шкура была тверже

любой скалы. Как он сможет убить то,
что нельзя проткнуть копьем или ранить
кинжалом?

Тамир зарычал, разозлившись на
собственную слабость. Он нашел этих
багровых великанов уже

мертвыми, израненными и разорванными
на куски животными, на которых он
охотился с детства.

Этот великан также умрет, даже если
ему придется задушить его голыми
руками.

Ра'г поступил глупо, вызвав великана на
поединок. Этот выскочка хотел
заполучить себе всю

славу от убийства. Его непомерная
гордость и детские мечтания стоили
жизни всем воинам под

его тотемом. Тамир посмотрел на пропитанную кровью траву, чувствуя, что влага просачивается в

землю. За подобное требовалось отомстить.

Проведя клинком по груди, Тамир попросил у гор даровать ему сил и приготовился повести свою

охотничью группу на великана. Он шагнул вперед, как почувствовал чье-то прикосновение. Он

зарычал от такой непочтительности, но, обернувшись, заметил на себе взгляд Аббаса. Глаза

старика были белыми, как луна, в них смешались страх и почтительность. Тамир одернул руку и

оглядел старика, его злость ушла так же быстро, как вспыхнула. Если бы это был кто-нибудь

другой, он бы счел, что из-за старости тот совсем лишился храбрости и убил бы за трусость. Но

Аббас давно доказал силу своего сердца

больше любого другого, с кем рядом приходилось

сражаться Тамиру. В отваге старика не приходилось сомневаться.

Почитаемый вождь сжал божественный талисман на шею и попросил Тамира обуздать гнев.

- Когда прошлое оставляет нашу память и возвращается, чтобы приветствовать нас, мы должны

охранять настоящее. Пусть прошлое говорит через сны, дабы вместе они создали будущее.

Тамир слушал в пол уха, не сводя глаз с талисмана старика. Он обернулся к великану и понял, что

с его груди взирает такая же двуглавая птица.

Орки превосходили их четыре к одному. Но они были изранены и дезорганизованы. Кассиал

чувствовал, как из свежих ран течет нечистая кровь. Он слушал гортанные споры, которые

походили скорее на стрельбу из оружия, нежели на язык. Кассиил трачно ухмыльнулся. Он и его

братья перебьют половину орков прежде, чем зеленокожие вообще поймут, что начался бой.

Мысль принесла с собой теплый прилив адреналина. Кассиил наслаждался ощущениями,

чувствуя, как мышцы напрягаются в ожидании, во рту скапливается слюна при одной только мысли

о предстоящей резне. Он повел плечами, крепче взялся за клинок и, сцепив пальцы вместе и

напрягая их по очереди, порадовался ощущению металлической рукояти. Его сердцебиение

участилось, стоило сместить вес на пятки, тело призывало двигаться вперед, атаковать. Рот

скривился в радостной ухмылке. Вот что значит быть гител Крови. Чувствовать себя по-

настоящему живым, готовым отнять
жизни других.

- Приготовиться к бою.

Кассиус сублимировал подтверждение
Асмодею. Он так крепко стиснул зубы,
что не мог

говорить, рот был переполнен слюной.
Момент кровопролития казался таким
близким, что он

почти чувствовал, как из орков вытекает
жизненная влага.

- Убейте их.

Взревев, словно зверь, Кассиус пришел в
движение раньше, чем Асмодей успел
закончить

фразу. Он выскочил из-за дерева и
перерезал ножом горло ближайшему
зеленокожему. Орк

задергался в судорогах. Из раны хлынула
кровь, омыв руку Кассиуса теплой
артериальной
жидкостью.

- Отбросы, - выругался он. Другие орки
отреагировали быстрее, чем он ожидал,

мгновенно открыв

огонь, из их грубого оружия нескончаемым потоком полились пули. Кассиил подтянулся к себе

утирающего орка, используя его в качестве живого щита. Тело орка согрозилось под градом

попаданиями, пока пули вырывали из него куски мышц и осколки костей. Кассиил прижал болт-

пистолет к спине зеленокожего и одним выстрелом проделал в нем дыру. Пропихнув дуло оружия

сквозь разорванные внутренности, он открыл ответный огонь. Первый выстрел угодил

ближайшему орку в живот, вырвав из него кусок мяса. Раздраженно зарывав, Кассиил прицелился

лучше и попал орку в голову, забрызгав его мозгами морду стоящего рядом с ним. Зеленокожий

отвлекся, и его выстрелы прошли мимо цели, изрешетив подлесок слева от

Кассиила. Скаут не

преминул воспользоваться шансом и, в
краткий миг передышки отбросив трүн
орка, метнулся за

поваленный древесный ствол.

- Мелехк! -- Кассиилу пришлось кричать,
чтобы его услышали сквозь грохот
болтерного огня. На

него посыпались щепки и осколки снарядов,
когда орки снова открыли огонь,
обстреливая его

укрытие с безрассудным рвением. -- Меня
прижали.

- Не высовывайся, - Мелехк слегка присел,
приняв удобную позицию для стрельбы, и
его тяжелый

болтер взревел.

Кассиил почувствовал, как ускорился
пульс, едва оружие начало извергать
снаряды, каждый

громогласный выстрел казался почти
беззвучным по сравнению с биением его
сердца.

- Двигайся, быстро!

По команде Мелехна Кассиус вскочил на
ноги и перепрыгнул поваленный ствол.
Стрелявшие по

нему орки исчезли, под очередью тяжелого
болтера превратившись в розоватый
туман. Справа от

него Асмогель расправлялся еще с двумя
зеленокожими. Сержант взревел и ударил
ногой в

голову раненого орка, когда тот
попытался встать, размозжив ему череп и
повалив обратно на

землю. Другой упал под очередью из болт-
пистолета, его тело разлетелось на куски,
едва он

затахнулся ножом, тая в шею Асмогелю.

Хатиев, который находился неподалеку,
бил по груди самого крупного орка. Правая
рука

огромного зеленокожего была пригвождена
к телу ножом скаута, возмущенного по самую
рукоять.

Другая его рука оканчивалась у локтя,
бицепс превратился в изогнутый кусок

маса от прямого

попадания болтерного снаряда. Хатиег
неразборчиво выругался, молотя кулаками
по голове

орка. Кровь и сгустки мозгового вещества
забрызгали лицо и нагрудник скаута,
забившего

зеленокожего до смерти.

- Хатиег!

Скаут проигнорировал Кассиула. Его
кровь кипела, из-за чего он не заметил, как
к нему

приближается двое орков в доспехах, и
энергетический заряд, попавший ему в
плечо и прожегший
щеку.

- Хатиег! -- Кассиул открыл огонь в
автоматическом режиме, разрядив в орков
целую обойму.

Разрывные снаряды выбивали искры с
металлические пластины, которые
зеленокожие вбили себе
в плоть.

- Император тебя прокляни, Хатиег.

Ухого! — Кассиал попытался в последний раз дозваться до

другого скаута и метнул в орков гранату.

Хатиег обернулся, из его рта шла пена.

Он зарычал, разъяренный тем, что ему не позволили

убивать дальше. Когда он проследил за полетом гранаты, его глазные яблока стали похожими на

угольки, затерянные в багровой гомне. В последний момент он перекатился через орка и

накрылся его телом, защищаясь от взрыва. Над ним пронеслось пламя, воздух наполнился

запахом горелой плоти, когда кожа орка пошла пузырями.

Бронированных орков сбilo с ног, и они повалились окровавленными грудями.

Броню и тела ног

ней изрешетило стальной шрапнелью, разорвав внутренние органы. Один из орков все не хотел

умирать. Он зарычал от боли, пытаясь

встать на ноги.

Кассиил холодно взглянул за зеленокожего. Из многочисленных ран хлестала кровь, от левой ноги

остался обрубок.

- Эти отбросы не знают, когда стоит умереть, - Кассиил наступил ботинком на спину орка, вжав его

в грязь. -- Пусть Сангвиний опустошит твою уродливую душу, - выплюнул он и всадил снаряд в

череп орка. Голова зеленокожего разлетелась на куски, и на скаутах брызнула теплая кровь. Он

принялся искать новую цель, но его внимание привлекла густая кровь, которая скапывала с

ботинка, стешиваясь с влажной землей. Он следил за истончающимся ручейком артериальной

крови орка, пока она не иссякла, полностью внимавшись в грязь. Кассиил присел и провел рукой

там, где была кровь. Он открыл комл-

канал с Хатиегом.

- Спрашивал ли ты себя, брат, сколько крови сто́ит вынуть мир, прежде чем его тора не

покраснеют, а материки не превратятся в струнья, запекшиеся под солнцем?

Ответ Хатиега утонул в хриплом вое. Кассиал вскочил с оружием наготове, выискивая источник

звұка. Он повторился вновь, резкий крик, от которого птицы сорхну́ли с деревьев и три

оставшихся орка резко поднялись из уккрытий.

- От гнева ангелов не скрыться, - Хатиег уже пришел в движение, преследуя зеленокожих и

вгоняя им в спину снаряды. Скаут сүтел взять себя в рұки, но из угла рта все еще сочи́лась

тонкая струйка слюны.

Рев болт-пистолета Хатиега утонул в громогласном топоте, все ускоряющихся шагах кого-то

нального крупнее, чем скауты. Кассил все еще старался отдышаться, переводя взгляд с деревьев

на кусты, с востока на запад, выискивая цель.

- Возможно, зеленокожие были правы, - почувтил Мелех и утер слюну, когда земля под ними грохотала.

Ритмичный топот становился все громче, невидимая угроза подходила все ближе. Что бы к ним ни

шло, оно двигалось сквозь лес силой, которой было достаточно, чтобы вырывать громадные

деревья вместе с корнями и разбрасывать стволы, будто щепки.

- С востока! Оно идет с востока, - прокричал Халиег.

- Построиться, штурмовая цепь, - Асмоделю пришлось повысить голос, чтобы его услышали.

Четыре скаута выстроились неровной линией, оставив между собой достаточно

места, чтобы

меткий бросок гранаты не убил их всех разом. Кассиал извлек магазин из болт-пистолета и вознал

новый. Хатиев закрепил на оружии нож и достал еще один клинок из заспинных ножен. Мелех

крепче перехватил рукоять тяжелого болтера и встал как можно удобнее на скользкой земле.

Асмогель проверил балансировку тесака, который забрал у мертвого орка.

- Держать строй! - закричал сержант, когда деревья разлетелись в буре щепок и поднятой земли.

Кассиал зажмурился, когда куски древесины рассекли ему кожу и покоржили панцирь. Едва

дымка от щепок рассеялась, он увидел коричневую шкуру громадного создания. Оно было

невероятно большим, крупнее даже «Громого ястреба», который доставил их с орбиты. Его

грудь и брюхо были покрыты костяными наростами. У него отсутствовали передние конечности, но ноги оканчивались изогнутыми когтями, а мускулистый хвост исчезал из виду далеко позади.

Зверь замер, тяжело втягивая воздух через ряды конических ноздрей на глинном, как у рептилии, носу. Он фыркнул и распахнул пасть, в которой сверкнули ряды острых зубов.

- Что это, во имя Ваала? -- спросил Кассиил.

Зверь зарычал, затем издал еще один оглушительный рев и быстро направился к скаутам.

- Будешь позже волноваться. Просто убей его! -- зарычал Асмогель и разрядил в существо

очередь снарядов.

Кассиил нажал спусковой крючок болт-пистолета с силой, которой было достаточно, чтобы

сломать человеку шею, словно давление

могло повлиять на мощность выстрела.

Справа от него

Мелехк и Хатиег также открыли огонь, рев тяжелого болтера заглушал грохочущие шаги зверя,

которые неся прямо на них.

Массореактивные снаряды бессильно вбивались в шкуру, не в силах

пробить толстый слой естественной брони.

- Шкура слишком прочная.

- Цельтесь в глаза.

Мелехк взял прицел выше и послал очередь прямо в голову зверю.

Снаряды рассекли морду и вырвали левый глаз. Существо пошатнулось и взревело.

- Моя ярость не ведает границ! -- прокричал Мелехк и двинулся к зверю, который пытался

прикрыть морду.

- Мелехк! Держать строй, - выкрикнул Астодель сквозь грохот тяжелого болтера, но скаут уже не

слышал его. Кровь Мелехка бурлила, его

рот скривился в ухмылке.

Мелехк продолжал стрелять, заставляя зверя постепенно отступать. Затем с громким щелчком

оружие стихло.

Зверь издал рокошущий рык, повернул голову к скауту, и его единственный глаз впился в Мелехка.

- Сангвиний будет пировать твоим сердцем, - у Мелехка было достаточно времени, чтобы

выкрикнуть проклятье, прежде чем в него не врезался хвост зверя. Удар разбил тяжелый болтер, расколол нагрудник Мелехка и отбросил скаута на тридцать метров в дерево.

- Отступает! -- Асмогель достал связку гранат и метнул в зверя. Они взорвались перед мордой

существа, заставив его взреветь от боли, когда шкура покрылась волдырями. -- Уходим, быстро!

Взрыв оглушил зверя, но Кассиус понимал, что раны его едва ли замедлят.

Сорвавшись на бег, он

попытался вызвать раненого скаута по
воксу.

- Мелехк?

- Во мне пока осталась кровь, неофит, -
прохрипел Мелехк, явно получивший
ранение. -- Но мне

понадобится помощь, чтобы выбраться
отсюда.

- Я помогу, - прозвучал по воксу голос
Хамиега.

- Ущелье к юго-востоку... зверю там не
пройти, - сказал Мелехк, когда Хамиег
поднял его на ноги.

- Согласен. Мы должны отвлечь его, - в
голосе Асмогеля звучала сталь. Даже
тактическое

отступление сержанту было совсем не по
нраву.

Кассиил бежал, не останавливаясь. Его
тренировали не для этого. Не было
перекрывающих зон

заградительного огня, спланированных
передислокаций и возможности

контратаковать. Это был

без на скорость, которым управлял
инстинкт и первобытное желание
выжить. Листья и похожие на

лианы ветви хлестали по лицу, пока он
несся по лесу. Слева от себя он слышал
Мелехна. Скаут

дышал хрипло и неровно. Наверное, зверь
сломяк ему несколько ребер и пробил
легкое. Кассиус

потерял из виду Асмогеля, но большой
опыт помог ему поддерживать скорость
даже на такой

пересеченной местности. Хамиед бежал
прямо за ним, хотя он подозревал, что
скаут нарочно

отставал из-за желания сразиться, а не
из-за усталости.

Кассиус прибавил ходу, напрягая мышцы,
невзирая на обжигающую боль молочной
кислоты.

Зверь приближался. Казалось, он вот-вот
настигнет их. Скаут чувствовал его
зловонное дыхание, слышал глухой стук

громадного сердца. На секунду он запылся
и сбавил шаг, поняв, что слышит
свое собственное сердце, колотящееся в
грудь силой, дарованной ему Сангвинием.
Словно зверь, Кассиус желал убивать. В
нем росла жажда, насытить которую
могла только чужая кровь.

Кассиус рискнул оглянуться.

- Черт подери, - выругался он,
скользнувшись на мокрой листве и упав с
защиты. Он потерял
равновесие на пологом уклоне. Скаут
заскользил по влажной грязи, утекавшей
сквозь пальцы и не
дававшей возможности уцепиться за что-
то. Вознав нож в землю, Кассиус
попытался остановить

падение, но та раздалась в стороны. Он
катился кубарем сквозь грязь и палую
листву. Ребра

пронзило резкой болью, когда он
столкнулся с выступающим камнем.
Кассиус почувствовал, как
онемела нога, ударившись о толстую
ветку. Что-то врезало ему по голове. Он
взревел, заметив
сплох движения, а затем погрузился во
тьму.

...

Прожекторы, заглубленные в земляные
укрепления, и посадочные огни на крыльях
боевых

кораблей горели на полную мощность,
пронзая тьму резкими клинками света.
Зофал стоял в тени

люка «Гнева смерти» и встатривался в
предрассветную мглу. Как и все Agentus
Астартес, он не

нуждался в искусственном освещении.
Даже если бы его аугментированные глаза
не позволяли

ему видеть в крошечном туннеле,
встроенных в шлем авточувств было бы
более чем достаточно.

Свет в лагере был не для того, чтобы они
могли видеть, а для того, чтобы видели
их. Алит хотел, чтобы орки и любой
другой, кто обитает в лесу, знали, что они
здесь.

Нажав стопорный штифт, капеллан
спустился по штурмовой рампе. Угольно-
черная дверь с

шипением закрылась за ним, оставив
одинадцать членов его Роты Смерти
внутри «Грозового

орла». Воины удерживались на месте
тяжелыми магнитными подвесками,
которые обычно

использовались для фиксации гредноутов
во время транспортировки. Инжекторы со
стимуляторами впрыскивали в вены
искусственную смесь специально
разработанных мышечных

релаксантов, которые помогут им
оставаться расслабленными до того

времени, пока не

потребуется их помощь. Рота Смерти
похожа на обнаженный меч. Они были
бесполезны в

обороне. Это понятие было для них
настолько же чуждым, как и мир, на
влажной земле которого

стоял сейчас Зофал. Обезумевшие воины в
черных доспехах скорее убьют своих
братьев, чем
займут окон.

Капеллан снял шлем-череп и повертел его
в руках, разглядывая эбонитовые черты
личины. Под

левым глазом было выведено две капли
крови, по одной за каждого из предыдущих
обладателей

шлема. После рециркулируемой
атмосферы доспехов влажный воздух
показался капеллану

освежающим. Он неподвижно простоял
какое-то мгновение, наблюдая за тем, как
дождь

наполняет углубления шлема.

- Тебя что-то тревожит, капеллан?

Зофал поднял голову.

- Меня тревожит проклятье органа, капитан. А тебя? Какие темные мысли заставили тебя искать

встречи со мной?

Баракиил ухмыльнулся.

- Вижу, здешний климат не повлиял на твое чувство юмора, Зофал.

- Без своей маски, - начал капеллан, - ты смотришь в лицо брата, и поэтому воспринимай меня

таким, какой я есть. Но я ходил в тени безумия слишком долго, капитан. Поэтому это также всего

лишь маска.

Баракиил заглянул в угольно-черные глаза Зофала и промолчал. Он был не в настроении

выслушивать бессмысленные проповеди капеллана.

- Нас не должно здесь быть, Зофал.

- Это решать Алиту.

Баракиил вздохнул.

- Я говорил с ним. Он не желает слушать. Он повернут на том, чтобы прогнать орков с этого мира.

- А ты бы позволил им здесь закрепиться?

- Конечно, нет, - прорычал Баракиил и сделал глубокий вдох. Он унял раздражение и только тогда

продолжил. -- Но эта планета -- мир смерти, - капитан развел руками. -- Даже воздух здесь

токсичен. Есть бессчетные тысячи миров, которые несут Империи намного больше пользы.

Лучше уничтожить эту проклятую планету с орбиты и покончить со всем этим, чем истощать роту еще больше.

- Возможно. Но, возможно, ты, из всех слуг Императора, в последнюю очередь должны судить по облику.

Баракиил проигнорировал замечание.

- Даже Гризори пытался вразумить

Амита. Ты не поговоришь с ним?

- Если того пожелает Кровь. В ином случае... - Зофал отвернулся от Баракиила и надел шлем

обратно. -- Я этого не сделаю.

Капеллан оставил Баракиила у «Грозового орла» и направился к передовым огненным ятам.

Расчленители были воинами, мясниками. Даже в обычных обстоятельствах они едвагодились на

роль стражей, и наблюдение едва ли давалось им просто. Но, потеряв столько многих братьев во

время планетарной высадки, без добычи, которую можно было бы убить в отместку, рота

прилагала все усилия, чтобы держать себя в руках. Краткие отчеты о готовности и резкие обмены

репликами по воксу намекали на напряжение, которое воцарилось в лагере, будто невидимый

противник. Чем быстрее начнется битва,

тем скорее исчезнет напряжение, стытое
чистотой боя.

Зофал наматал бусины розария на кулак.
До тех пор именно от него зависело,
чтобы в их разумах

не укоренилось беспокойство, а в мысли не
закрался Гнев.

Он обошел оборонительную полосу ровным
шагом, ни достаточно быстрым, чтобы
привлечь

внимание, ни достаточно медленным,
чтобы это не показалось праздным
шаганием. В бою он

будет помогать капитанам и первым
сержантам, придавать им решимость и
веру, необходимые

для успешного командования. Но под
жестокостью плетью этого мира каждый
Расчленитель нуждался

сейчас в его наставлении. Зофал
останавливался у каждого укрытия и
баррикады, проверяя

готовность к бою каждого воина. Они
вместе зачитывали катехизисы почтения

и проводили

ритуалы сдержанности, чтобы убедиться
в силе и чистоте их духа.

Зофал закончил обход в тени «
Зазубренного ангела». Под его правым
крылом находился

выжженный клочок земли, десяток
перевернутых цепных мечей обозначали
границу арены для
поединков.

« Слова лишь тлен, который сметается
вихрем ярости и исчезает в плену у гнева », —
капеллан

крепче стиснул розарий, приблизившись к
арене. Там всегда находились
Расчленители, которые
нуждались не просто в молитве для
устирения кровожадности.

Гавриил из третьего тактического и
Анаил из седьмого штурмового стояли в
середине круга. Их

цепные мечи выбивали в темноте искры,
сталкиваясь друг с другом, ревя
адамантиевых зубьев

едва слышался за гортанными криками
собравшихся воинов. Гавриил возвышался
над Анаилом и,

пользуясь преимуществом размеров и веса,
нанес череду мощных ударов. Но там, где
штурмовому десантнику не доставало
роста, он компенсировал опытом. Анаил
стремительно

парировал каждый удар Гавриила, с
легкостью отбил клинок более крупного
воина, прежде чем

провел разящую контратаку.

Зофал трачно улыбнулся, когда клинок
Анаила задел наплечник Гавриила.
Техника штурмового

десантника была почти безукоризненной.
Но он все равно проиграет. На арене нет
места

изысканству. Внавшего в ярость Гавриила
уже не остановить. Его мощные атаки в
конечном итоге

найдут путь сквозь защиту Анаила,
потребуется всего один скользящий удар,
чтобы нарушить

самооблагание Анаила. Поддавшись ярости, штурмовой десантник теряет голову. Он бросится на Гавриила, и огромный воин быстро победит его.

« Наш гнев не познает границ, а мечи — тира », — одними губами произнес Зофал, когда Гавриил

сшиб Анаила на землю. Победителем, как обычно, окажется Гнев.

— Брат-сержант, — Зофал повернулся к Менаделю. Сержант стоял рядом с ареной, держа в одной

руке штурмовой щит, а в другой сжимая силовую меч. Вдоль лезвия пульсировала тонкая линия

искрящейся энергии. Оружие, как и его обладатель, всегда оставалось наготове. Менадель был

превосходным мечником, мастером поединка. Если какой-то воин теряет контроль или

поддастся Гневу, он незамедлительно вмешивается. Лишь один Расчленитель

погиб на арене за все

время, что ею руководил Менагель.

- Капеллан, - Менагель почтительно склонил голову, не сводя глаз с Анаила и Гавриила.

- За последние два часа апотекарию Цезаилу пришлось оказать помощь пятерым нашим братьям,

- произнес Зофал.

- Они остались боеспособными, - Менагель говорил спокойно, но судя по тому, как напряглась его

челюсть, под маской невозмутимости вскипели эмоции. -- Вы сомневаетесь в моей

остотрительности?

- Если бы сомневался, брат-сержант, ты бы узнал.

Менагель улыбнулся и потер подбородок, вспомнив последний раз, когда они с Зофалом игрались

друг с другом.

- Многие погибли при высадке, капеллан. Наши братья злятся.

- Это и значит быть костическим десантником. Низвергнуться с небес, словно огонь и гнев. Нести смерть или приветствовать ее.

- Но у нас нет противника. Нет врага, которому можно отомстить, никого, чьей кровью можно было бы оросить клинки.

- Радуйся тому, что еще жив, Менагель. Месть для тебя лишь вопрос времени. Навшим же повезло не так сильно.

- Да почтит их Сангвиний, - Менагель прижал кулак к нагруднику.

Зофал бросил взгляд на рваные шрамы, которые покрывали доспехи Менагеля. В ордене было немало воинов, которые могли задать сержанту такую трепку.

- Когда ушел магистр Алит? -- спросил он.

...

Глубокие царапины и неровные вмятины на доспехах Алита в свете установленного в траншее

прожектора походили на скалящиеся звериные пасти. Опытный летописец мог бы повествовать всю

историю Алимта по шрамам, покрывавшим его броню. Зофал заметил шаг, подходя к магистру оргена со спины.

- Я все еще тут, капеллан, и держу себя в руках, - произнес Алимт, не оборачиваясь и неотрывно следя за опушкой.

- Да. Похоже, стоит поблагодарить за это Менаделя, - Зофал миновал земляную насыпь и

поравнялся с магистром оргена.

- Однажды он станет капитаном Клинка.

- Если ты вначале не убьешь его.

Алимт ухмыльнулся.

Какое-то время они стояли в молчании.

- Ты говорил с Баракиилом? - спросил Алимт.

- Говорил.

Алимт хмыкнул, прекрасно зная мнение

Бараккила.

- Война в Саккарском секторе нигде не
денется, пока мы здесь не закончим.

- Война будет всегда, брат. От тебя
зависит, чтобы мы всегда могли
сражаться.

Алит посмотрел вдаль.

- Этот мир полон жестокости, капеллан.

- Те, кто принадлежат Крови, тянутся к
жестокости...

- Как ручьи тянутся к реке, - закончил
Алит.

...

Манакель присел у останков Лаххеля и
впился зубами в плоть очередного трупа
дикаря. В рот

хлынула кровь, остудив жжение в горле.
Бой дал ему такой нужный шанс
выпустить пар. Бойня

была грозным проявлением злости,
пылающей у него в венах. Но он подошел к
самой границе

тьмы, слишком быстро, и едва не предался
Гневу. Манакель вздрогнул, когда по губам

стекла

тонкая струйка крови. Только так ему
удалось изгнать его тень из разума. Он
кружил возле границ

сознания, нашептывая обещания о
прощении. Он заберет боль, сомнения.
Облачит его в доспехи

гнева и даст ему силу убить любого, кто
встанет у него на пути. Манакель
почувствовал, как

успокоился пульс, и жажда крови
постепенно стала уходить, когда он выпил
еще одну пригоршню

влаги из тела мертвого варвара. Он
будет сопротивляться желанию принять
Гнев, но не мог

отказать Жажде в том, чего она хотела.

...

Тамир поморщился от попавшего в нос
запаха грязи и сгнившей плоти. Даже
сильный ветер,

который пронесся по долинам и вспенил
озера, не смог унести аромат смерти.
Вождь наблюдал за

тем, как багровый великан пирует
на останках охотничьей группы Ра'га.

Мрачный спектакль

напомнил ему о церемонии Окончания
Охоты, ритуале, который он проводил
более десятка раз.

Когда охотники убивали крупного зверя,
все племя собиралось, чтобы отведать его
мяса и крови.

Таким образом они оказывали дань
уважения духу и забирали себе его силу.
Самир одобрительно

хмыкнул, радуясь тому, что и воинам
Ра'га проявили подобное почтение.

...

Манакель зарычал. Еще один проклятый
Императором дикарь. Этот был чуть
тусклее

прежнего, хотя не имел при себе оружия.
На его груди розовела свежая рана.
Слишком

аккуратная, чтобы получить ее в бою, она
казалась скорее ритуальной, проявлением
намерения

или символом клятвы. Расчленитель презрительно хмыкнул: такие раны следует заработать, а не получать в дар, будто бездельники. Оторвав голову трупа, чью кровь он пил, Манакель метнул ее в варвара. Человек не попытался прикрыться, позволив ей ударить себя.

...

Тамир услышал, как от попадания хрустнуло плечо. Воина сбило с ног. Он застонал и, выругавшись, поднялся обратно. Аббас говорил ему оставаться неподвижным, выказывать отвагу и не дрожать. Он смотрел на великана, пораженный тем, что тот напятился, его губы и нижняя часть лица были розовыми от крови. Если Аббас ошибся и великан был на самом деле просто дикарем, зверем, то в загробной жизни он будет преследовать старика в ночных кошмарах.

...

Манакель стиснул кулаки, разграженный тем, что варвар никак не уйдет.

- Будь ты проклят Императором. Убирайся, - он приблизился к воину с презрительной ухмылкой на

лице. На плече и груди человека расцвел темный синяк, левый глаз заплыл. Его смерть едва ли

стоила затраченных усилий. Но было нечто еще, что-то, не дававшее Манакелю покоя. Что-то,

пытающееся пробиться сквозь туман, который окутал его разум.

...

Тамир не ведал страха. В свое время он взглядом привел в стяжение стадо раналоксов и пережил

схватку с чудовищным карнроузом. И все же, оказавшись в тени багрового великана, ему

понадобилась вся храбрость, чтобы оставаться спокойным. Каждый удар его сердца звучал как

желанный сюрприз, пока он прислушивался к натужному дыханию. Стараясь не поднимать голову,

Тамир рискнул бросить взгляд. С груди великана взирал измятый орел. Между его металлическими крыльями, словно снежные хлопья, виднелись пятна засохшей крови. Шкура

великана оказалась не гладким покровом, как ожидал Тамир. Глубокие борозды разделяли ее

поверхность на множество частей, некоторые были рельефными, тогда как другие имели

угловатые крепления. Под багряной шкурой великана, словно недавно зарубцевавшиеся шрамы,

виднелись участки серого и серебряного цветов.

...

Манакель остановился на расстоянии удара от дикаря. Сердцебиение человека оставалось

спокойным, на лбу не было видно пота.

Манакель зарычал. Он был гител
Сангвиния,
воплощением гнева, а этот человек
казался достаточно высокомерным, чтобы
не бояться его.

Манакель взревел, желание сломать
человеку шею, оторвать голову и омыть
в его теплой
артериальной крови поднялось внутри
него, словно раскаленная лава.
Расчленитель уже
потянулся, чтобы сокрушить его...

... а затем затер, так как впервые
заметил металлический талисман,
болтающийся в протянутой
руке человека.

...

Тамир позволил великану взять талисман
и уважительно коснулся головой земли.

...

Манакель повертел кусок металла в руке.
Он истерся под влиянием времени и
постоянного
ношения, но в нем безошибочно угадывался

имперский орел, символ Императора
человечества.

- Где ты его нашел? -- Манакель старался
говорить спокойно, но требовал ответа.

Человек поднял глаза и промолчал.

- Где ты нашел... - Манакель затолчал,
когда из леса вышли сотни дикарей,
скрестив руки на

грудах в грубом подражании аквиле. -- Что
это, во имя Императора?

При виде варваров Манакель разинул от
удивления рот. Вторая волна шла
плотными рядами, на

их плечах покоилось четыре носилки.
Каждая из них имела четыре метра в
длину, ручки были

изготовлены из цельных веток шириной с
бедро обычного человека. Дно носилок было
из

звериных шкур и палой листвы,
привязанных к ручкам сплетенными
лианами и растениями,
похожими на веревки.

Манакель взглядом проследил за

процессией.

- Император... - он недоверчиво посмотрел на то, что лежало на носилках. Наплечники, наручи,

нагрудники, ценные мечи, болт-пистолеты -- останки, оружие и доспехи его отделения. Манакель

продолжал наблюдать, пока гикари не опустили носилки перед ним. Скорбь переросла в ярость,

когда он увидел то, что осталось от Расчленителей. Как и Лаххеля, их сильно обглодало зверье.

С ударом невидимого барабана море варваров расступилось, позволив пройти на поляну третьей

группе. Они принесли с собой корзины из дерева и сухих листьев и начали петь, сначала тихо и

тихо, но затем все громче и громче, пока со вторым ударом барабана напев не достиг пика.

Стараясь не задеть тела Расчленителей, они развели вокруг носилок огонь.

Старый дикарь, пока старейших их всех, которых встречал Манакель, шагнул к нему. Старик

преклонил колени и сложил знак аквилы, после чего отвернулся и прокричал что-то на гортанном языке.

- Мук-га, мук-га хети, - на крик отозвалась тысяча варваров, которые вместе опустились на колени и склонили головы к земле.

Впервые с момента высадки Манакель был спокоен.

«Где остается только один, побеждает гнев», - слова эти были повернуты скорбью, но грустить

о гибели отделения он станет позже.

Манакель бросил холодный взгляд на тысячу склонившихся перед ним воинов. Нет ничего

странного в том, что менее развитые люди почитали костических десантников как богов, хотя от

такого проявления уважения ему стало не

по себе. Подобное преклонение могло
перерасти в

гордыню, которая породила гражданскую
войну, более ужасную, нежели все, о чем
можно только

подумать. До сих пор весь масштаб
предательства Гора только предстояло
осознать. Армии

Императора победили, но Манакель знал,
что за каждый спасенный мир приходилось
платить еще

одной планетой, превращенной в
безжизненную скалу, целые поколения были
обречены тратить

свои жизни, закапывая покойников.
Манакель ударил кулаком по нагруднику и
скрестил руки в

знаке аквилы.

Барбары радостно закричали.

Манакель улыбнулся. Он был богом не
более любого грубого костического
десантника, но решил

воспользоваться верой дикарей в своих
целях. Расчленитель снова посмотрел на

ряды

склоненных голов и спросил себя, насколько прочными окажутся их верования, когда они поймут, что он принес им не избавление, но смерть.

- Ута, - старик повернулся к Манакелю, скрестил пальцы и пошевелил ими, бросив при этом взгляд

на носилки.

Огонь.

Погибнуть в неистовстве боя или сгинуть в опаляющей ненависти, все

Расчленители в конечном

итоге сгорят. Манакель посмотрел на погребальный костер и кивнул.

Старик пробормотал что-то похожее на толитву и ударил камнями друг о друга, выбив из них

искру, которая подожгла охапку листьев. Он поднялся и протянул факел Манакелю.

- Погоди, - Манакель поднял руку. Шагнул в середину костра, он скользнул взглядом по останкам

своих братьев. На его месте Серафим бы

забрал у погибших Расчленителей оружие
и

снаряжение, но Манакель никогда не
разделял тактическое хладнокровие своего
наставника. Он

не мог заставить себя осквернить павших
братьев подобным образом. Оружие
переживет то, что

не выдержит плоть, и позже он за ним
вернется. Впрочем, Манакель забрал
боеприпасы, охранив

их от огня и невежества гикарей.

- Вы отдали свой долг, братья, - Манакель
провел ножом по ладони и окропил кровью
тело

каждого из погибших соратников. --
Смерть, скрепленная Кровью, станет
окончательной, она

дарует вечный покой.

Это слова скорее подошли бы Зофалу или
кому-то другому капеллану, ведь их
ораторское

искусство натного превосходило его
собственное. Манакель коснулся кулаком

наплечника и

отступил от костра. Он надеялся, что
этих слов будет достаточно.

Приняв факел из рук старика, Манакель
поджег тела.

Варвары остались на коленях все время,
пока горел костер, вдыхая клубящийся наг
нители дыт.

Костический десантник знал, что в
некоторых примитивных культурах огонь
высвобождает дүшү

воина, и что те, кто дышал этим дытот,
давали им приют в своих телах, позволяя
таким образом

жить дальше. В свою очередь они
обретали толику силы покойника.

Манакель сделал глубокий вдох.

- Как Кровь служит мне щитом, так
пусть братья мои станут мне мечом

Слабый всплеск воды привел Кассиула в
чувство. Он открыл глаза и тут же
зажмурился от боли и

яркого света, который лился сверху.
Скаут оказался на открытом

пространстве, и теперь его

ноющие кости радовались солнечному
теплу. Он сел и закрыл глаза, старгивая
соринки. Кассиус

затер, едва на него упала тень, которая
приобрела резкость в багровой вспышке.
Скаут повалился

на спину, на его горле сошлись чьи-то
могучие руки.

Там, где погвел инстинкт, верх взяла
выучка.

Подавив первое желание отогвинуться как
можно дальше, Кассиус повернул голову в
сторону,

ослабив давление на сонную артерию.
Благодаря этому он не лишился сознания и
выиграл пару

дополнительных секунд, чтобы сбросить с
себя напавшего. Кассиус потянулся,
схватил его за

руки и попытался убрать их со своей шеи.
Но напавший был слишком сильным, и на
скаута

обрушился весь немалый вес противника.

Кассиил выгнулся, вжимая голову в землю, как можно

дальше от напавшего. Но руки продолжали сжимать его горло. Скаут стал отчаянно лезть,

разбрызгивая вокруг себя воду, пытаясь нащупать ногами опору. Прилив адреналина не позволил

Кассиилу лишиться концентрации, когда он понял, что напавший не стретился задуть его. Он

хотел оторвать ему голову. Скаут рванулся вверх и нащупал голову напавшего. Если бы он

нашел хоть какую-то точку опоры...

Что-то врезалось в напавшего, сбросив его с Кассиила.

Схватившись за горло, Кассиил втянул воздух в грудь и перекатился в защитную стойку, прикрыв

голову руками. Он напряженно прождал удар сердца, ожидая удара сверху, а затем рывком

вскочил на ноги.

Асмогель боролся с Мелехкот. Сержант рычал, из его рта во все стороны разлеталась слюна, а

пальцы были скрючены, словно когти, на ногтях запеклась кровь. Кассиил коснулся шеи.

- Брат-сержант? -- недоверчиво спросил он.

- Хватит... смотреть... и помоги мне, -- Мелех скривился, пытаясь обхватить тусклой рукой шею Асмогеля.

Кассиил стоял как громом пораженный. Предательство Асмогеля подействовало на него куда

сильнее, чем он мог представить. Сержант, наблюдавший за кандидатами из покрытой шипами

башни, был чем-то постоянным в жизни Кассиила с тех самых пор, как его приняли в орден.

Немыслимо, чтобы Асмогель пытался убить его. Кассиил застыл на месте, будто

загипнотизированный, потерявшись в

воспоминаниях.

- Во вселенной войны лишь орден способен
прожить дольше мгновения, - капеллан
Зофал

торжественным зычным голосом начал
ритуал крещения, едва огни из
семинаристов достал

клеящий прут из жаровни режущим.
-- Братство и адантий -- вот узы,
которые

невозможно разрушить. Победа столь же
мгновенна, как и боль.

Кассил зажмурился, когда семинарист
прижал раскаленный прут к его груди.

- Но это... - Зофал остановился, коснувшись
неровного шрама в форме клинка на груди.

-- Это

вы будете нести до самой смерти. Он
переживет вас. Он будет выжжен в
анналах истории

еще долгое время после того, как ваши
кости превратятся в прах, а боевые кличи
станут

слабым эхом.

Асмогель зарычал и впился зубами в руку Мелехна. Скаут выругался, его хватка ослабла

достаточно, чтобы Асмогель вознал локоть ему в нос. Он отшатнулся, нагрудник оросился кровью.

Сержант резко поднялся на ноги, достал нож и вознал его в шею скауту. Затем, вырвав оружие, он

победно заорал, когда на его лицо брызнула теплая кровь.

Голова Мелехна откинулась, словно канюшон серва.

Кассиил уставился в глаза Мелехку, а затем, когда его тело бессильно рухнуло на землю, взгля

скаута упал на символ ордена, красующийся на нагруднике мертвого брата.

Полный ярости крик Кассиила перерос в ненавидящий рык, он выхватил клинок и бросился на

Асмогеля.

Сержант двигался слишком быстро. Он

опередил атаку Кассиила, с
сокрушительной силой схватил
его за руку и ударил головой в лицо.
Кассиил выронил нож, едва успев
прикрыться рукой и не дав
сержанту возможности заколоть его.
Скаут согнулся пополам, когда в грудь,
ломая ребра, угодило
колени за секунду до того, как мощный
удар заставил его растянуться на земле.
Тяжело рухнув на
камни в русле пересохшей реки, Кассиил
скрестил руки над головой, закрываясь от
удара ногой, который должен был оборвать
его жизнь. Скаут взревел -- он не утратит в
грязи. Он желал, чтобы
его охватил Гнев и даровал силы
разорвать Асмогеля на куски и пожрать
его сердце.

Из кустов выполз Хамиед, сжимая
толстую ветвь.

- Довольно! -- скаут замахнулся
импровизированной палицей, едва
Асмогель повернулся в его

сторону. Толстый сук треснул, врезавшись
сержанту в голову.

Удар свалил Асмогеля, разорвав ему щеку
и разбив глазницу. Но Гнев не дал ему
пошевеливаться

сознания. Низко и протяжно зарывав,
сержант поднялся на четвереньки.

Хатиев, не давая Асмогелю ни секунды
передышки, тут же сбил его с ног. От
удара голова

сержанта потнулась назад. Глаза
Асмогеля оставались широко раскрытыми,
тело дергалось от

переполнявшей вены жажды крови, которая
понукала его встать. Хатиев коленом
прижал его к
земле.

Лишь с третьей попытки Кассиус сумел
подняться на ноги. Его руки почернели от
синяков,

оставленных сержантом. Хатиев что-то
крикнул ему, но он не обратил внимания.
Пошатываясь,

скаут побрел по ручью туда, где блеснул

на солнце болт-пистолет.

- Кассил, - Хатиев направился к нему, -
стой.

Кассил сплюнул кровь и проверил
магазин болт-пистолета.

- Брат, не тебе отнимать его жизнь.

Дрожа от злости и усталости, Кассил
прицелился в голову Асмогеля.

- Это не его вина, брат, - Хатиев встал
между оружием и Асмогелем,
успокаивающе поднимая

руки. - Это Проклятье. Мы должны
уважать воина, которым был Асмогель. Он
умрет, брат, но не

от твоей руки. Он заслуживает такой
смерти, ради которой жил, служа ордену.
Ты не отнимешь

этого у него.

- А что с Мелехом? - прорычал Кассил.

- Как насчет его чести?

- Он умер, выполняя свой долг. Он умер,
защищая братьев. Защищая тебя, -
Хатиев шагнул к

Кассилу, сдерживаясь из последних сил. -

Честь Мелехка осталась незапятнанной.

Мы должны

передать Асмогеля капеллану Зофалу.

Хатиег сделал еще полшага и, стараясь не делать резких движений, достал нож.

- Если будет на то воля Императора, Зофал облачит Асмогеля в доспехи смерти и позволит ему

пролить кровь наших врагов в последний раз.

Кассиал не шевелился, готовый выстрелить.

- Брат... - Хатиег взял нож обратным хватом. - Я не позволю тебе отнять его жизнь.

- Кровь! - Кассиал закричал от ярости и отбросил оружие. Скаут рухнул на колени, сжал кулаки и

принялся молотить по земле, пока от непрерывных ударов не покраснели костяшки. Он попытался

найти успокоение через боль, но гнев не стихал. Кассиал хотел убивать. Он должен убивать. Он

нуждался в этом.

« Сангвиний, принеси мне успокоение,
укроти мой нрав, подари хотя бы
отголосок своего

совершенства, - грожащими губами
Кассиил бормотал молитву. Он повторял
ее снова и снова, позволяя словам
замедлить дыхание и унять кипящую
кровь.

Хатиед опустил руку на плечо Кассиила.
- Вот так, брат. Теперь ты знаешь, что
значит искать отпущение.

...

С громоподобным стаккато оружие
Расчленителей озарило ночь.

Их атаковали сразу со всех сторон. Но
вместо зеленокожих орков Расчленители
столкнулись с

ордами яростных зверей. Бессчетные
сотни животных обрушились на лагерь
Расчленителей,

словно планета хотела избавиться от
чужаков. Костиционные десантники были
подобны шипу в

телемира, который требовалось
вырезать, вырвать. С помощью ревущих,
кляцающих пастей и

мощных конечностей он собирался
избавиться от скверны.

С севера ринулось стадо двunoгих зверей,
их удлинённые торды свирепо скалились,
щелкали,

пока они приближались к передовым
огненным ятам. Существа гибли
десятками, разрываемые на

куски слаженными залпами болтерного
огня и испепеляемые пронзительно
трещащими

лазерными пушками. Но они продолжали
сокращать расстояние до Расчленителей,
перескакивая

груды мертвых сорогичей, ведомые
инстинктом убраться как можно дальше
от неповоротливых

созданий, которые шли следом за ними.
Каждое существо, состоящее из сплошных
мышц и жил,

второе превосходило ростом костячского

десантника. Проворные, с тугой
бесшерстной кожей, они
вырывались из леса и приземлялись прямо
среди огненных ям. Морды зверей были
разверзнуты в
диком реве, пока они убивали
Расчленителей сильными ударами
когтистых передних конечностей.

- Статус? - рявкнул в котл Алит,
потроша крупное существо, челюсть
которого заканчивалась
парой огромных бивней. Прочная кожа
зверя не смогла защитить его от цепных
кулаков магистра

ордена, под действием веса и набранной
скорости он насадился на режущие лезвия,
чем только
ускорил свою смерть.

- Мы окружены, - раздался
потрескивающий голос Менаделя из «
Мести». Алит поручил сержанту
организовать оборону. - Все отделения
втянуты в бой и несут потери, но
периметр пока

удерживают.

Алит упал на колени, когда на дисплее
мигнул предупредительный символ. Позади
него открыл

огонь снятый с «Грозового орла» тяжелый
болтер, разорвав на куски несколько
рогатых существ.

Алит ощутил, как участился пульс в
унисон с ревом оружия. Прижав кулаки к
земле, он боролся с

желанием подняться, пока не утихла
стрельба, но лазерный целеуказатель
сообщал теперь

только об отрицательных контактах.

На западную линию обороны обрушились
нелетающие птицы с пестрым оперением.

Сержант

Биеил и его штурмовое отделение
встретили их стеной пылающего
прометия. Обгоревшие

выжившие твари с воплями пробежали
сквозь пламя, розоватое мясо стекало с
обугливающихся

костей. Еще один залп из огнеметов на

близком расстоянии добил и их.

- Оттесняйте. Оттесняйте их! -- раздался
сквозь рев пламени крик Виеила.

Дюжина, две дюжины, сотня. Птицы
продолжали напирать, не обращая
внимания на потери. Чаши

весов начали стещаться, едва огнеметы
выстрелили в последний раз, полностью
израсходовав

топливо в баках. Наконец озверевшая стая
получила возможность отомстить.

Длинные, похожие

на кинжалы клювы на глиняных мощных
шеях пробивали доспехи Расчленителей и
вырывали

окровавленные куски органов из тел
воинов.

На южном и восточном внешнем
периметре путь прокладывали орды
приземистых существ,

вынудив Менаделя активировать минное
поле. Тех, кто оказался на осколочных
минах, разорвало

на части, их округлые тела разлетелись

фонтанами дымящейся плоти. Другие
упали с
вырванными кусками мяса и
внутренностей. Тем, кто находился на
краю минного поля, повезло
гораздо меньше. Ураган агамантиевых
шариков изрешетил их конечности,
оставив в туках
утирать на орошенной кровью земле.

...

- Лорд, - раздался по воксу напряженный
голос Баракиила.

Алит вызвал картинку с одной из пикт-
камер вокруг лагеря. Возникло зернистое
изображение

северных укреплений, которое затем
свернулось в угол дисплея шлемов.
Баракиил пытался

удержать позицию. Протчавшиеся мимо
него уцелевшие небольшие существа
падали в окопы

позади, пока перед костическим
десантником не остались только крупные
звери.

- Говори, - равкнул Алит и вознал ценные кулаки в живот ревущего существа, которое бессильно

заскребло по его нагруднику атрофированными передними конечностями.

- Отделение Асмогеля в радиусе действия комта.

Алит с радостью ощутил, как участилось сердцебиение, когда он рассек кулаком внутренности

зверя и оказался забрызган свежей кровью. Спихнув труп с лезвия ударом ноги, он бросился к

другому существу и открыл канал со скаутами.

- Асмогель, отчет.

- Лорд... - продолжительный лазерный огонь ионизировал воздух, искажая сигнал комта, из-за

чего голос Кассиила слышался искаженными урывками. -- Мы обнаружили орков... все погибли...

предупреждает... звери.

Амит растаялся, хотя без особого веселья.

- Ты многое недоговариваешь, скаут. Сколько вас?

- Брат Хатиев и я готовы к бою, - сигнал становился лучше, чем ближе Кассиус подходил к

позиции Амита. -- Асмогелю нужен Зофал.

Амит остановился, прежде чем ответить, не обращая внимания на утиравшее у ног существо. У

Асмогеля была стальная воля. Сержант был опорой органа, пять десятилетий он учил неофитов

тому, что значит управлять жаждой крови. Но оказалось, что даже он не в силах одолеть

Проклятье.

- Ритуал придется отложить, - ровным голосом произнес Амит. -- Заходите с запада. Но

возможности помогите отделению сержанта Биеила.

- Вас понял. Кровь защищает.

Аллит отключил вокс-канал и пробил кулаком череп очередного зверя. Ему не требовалась защита.

Он был повелителем тысячи самых яростных воинов, которых когда-либо знала вселенная. Он

держал в руках судьбы целых миров. Он не подвергнет свой орден в безумие.

- Кровь требует крови, - проревел Аллит и вырвал челюсть существу, которое хотело укусить его.

В нем клокотал гнев, горнило ненависти яростно пылало внутри, отчаянная ненависть к самому

себе, которую невозможно облечь в слова. Если гибель и безумие были для него единственными

исходом, он заставит мир молить о смерти. Его гневом никто не сможет повелевать. Он

повернулся к нападавшему зверю, чей лоб венчала толстая костяная пластина. Уйдя в сторону за

секунду до того, как зверь врезался в него,

Атум схватил его за выступающий лоб.
Сервоприводы
госпехов гневно взвыли, когда магистр
вырвал пластину из черепа зверя.
Существо конвульсивно
дернулось и умерло. Выругавшись, Атум
резко сокрушил кость между ладонями. Он
установился на

перчатки, наблюдая за тем, как во все
стороны разлетаются осколки пластины.
Из-под багрянца
брони на него взирало клеймо истории, в
ушах звенел волчий вой. Атум стиснул
кулаки и снова
взревел. Он был тесью, он был смертью,
и ничем больше.

...

- Во имя Сангвиния, вы будете стоять! --
разнесся голос Зофала над ревом
болтерного огня. Он
чувствовал, как воины вокруг него
сдерживают рвущийся наружу Гнев. Их
стремление ринуться
вперед и принести бой врагам казалось

столь же оцүтилым, как отгача
пистолета, который он
сжимал в руке. Но они были последней
презгадой, которая стояла между стагом
зверей и

отделением Баракиила. Если знаменосцү
придется развернүться, чтобы справиться
с новой

үгрозой, его непременно одолеют, а
периметр прорвүт. -- Стоять! -- Зофал не
допүстит, чтобы это
произошло.

- Что насчет обреченных? -- спросил
Силонас. Силовой кулак терминатора
покрылся кровью и

лотками внутренностей, между
пальцами был стиснут вырванный
позвоночник. -- Почему бы их не
выпүстить?

- Нет. Гнев бесполезен в обороне, - ответил
Зофал. -- Мы должны үдержать строй без
них.

- Нас атакүют! -- Дрүал үказал на небо
штүртовой пүшкой, другая его рука

безвольно висела после

того, как одно из существ мощным ударом хвоста раздробило ему броню и кости.

Зофал поднял взгляд. Из облачного покрывала вырвались два четырехкрылых зверей, которые

напали на них во время посадки.

- Мы не станем легкой добычей, - прорычал Зофал. - Принесите им смерть!

Крозий капеллана затрещал, когда он активировал батарею, и указал им на существ.

Штурмовая пушка Дрүала с воет начала разгоняться до огневой скорости, секунды спустя к ней

присоединилось оружие Тилонаса. Двое терминаторов открыли огонь, стволы орудия тут же

раскалились докрасна, извергая непрерывный ливень снарядов в сторону крылатых зверей.

Первую птицу разорвало на клочки багрового тумана. Вторая врезалась в землю, снаряды

оставили в ее крыльях дыры размером с кулак.

Тут же к ней подскочил Зофал и одним ударом кроззя разтозил существу череп.

- Они разделяются, - Тилонас указал на зверей, которые разделились и стали уходить в стороны

флангов Расчленителей.

- Продолжайте вести огонь и не нарушайте строй, - Зофалу не доводилось видеть существ,

которые использовали нечто похожее на тактическую хитрость, их атака казалась успешной,

отчаянной. Но он не хотел оставлять им ни единого шанса.

- Там! -- Дрүал перекричал ревущих зверей.

- Кровь Императора, - прошептал по воксу Тилонас.

Линия деревьев перед капелланом исчезла под громадными когтистыми лапами. На расчищенный

участок земли шагнуло громадное существо. Неподалеку показалось еще три

похожих создания.

Размерами они вчетверо превосходили любое из существ, с которыми уже пришлось столкнуться

Расчленителям, их глаза были наполнены жаждой смерти. Звери заставляли казаться крошечным

даже гредноута Гризори.

Друал и Тилонас открыли огонь, но Зофал решил не тратить попусту боеприпасы и вместо этого

открыл вокс-канал со стрелками «Грозовых орлов».

- Цели к северу от меня. Огонь.

По приказу капеллана боевые корабли дали ракетный залп. Мгновение спустя чудовища исчезли в

ореолах взрывов. Когда огонь стих, двое из них лежали в грязи, раздавив телами десятки меньших

существ. Сверкнувший выстрел из турболазера «Зазубренного ангела» испепелил третьего зверя.

Зофал выругался. Четвертый остался

целым и невредимым. Проявив смекалку,
он укрылся за
сородичами и смог избежать оружия
Расчленителей.

- Повторный залп.

- Не можем, капеллан. Мы ждем атаку.

Зофал зарычал, поискав взглядом то, чем
можно было бы убить зверя.

- Дрүал, Тилонас... - он замолчал, заметив,
как к зверю несется одинокий воин в
доспехах

терминатора. Капеллану не требовалось
видеть опознавательный символ, чтобы
узнать Алита.

...

Григори стоял в собственноручно
сделанном кратере, зубья эвисцераторов
кромали плоть и

внутренности зверей. Вокруг него, словно
кровавые мешки, грохотались изломанные
труны. Он

ступал на них, и всякий раз на него
накатывала волна удовлетворения, когда
предупредительно слышал

треск костей. Для сына Сангвиния погребение в саркофаге гредноута считалось величайшей

честью, но также и самой жестокой пыткой. Ему позволили служить еще долгое время после того, как тело превратилось в атрофированную кашу. Но калечить, убивать и не чувствовать при этом

горячих брызг крови на лице -- все это выводило Гризори из себя. Многие Расчленители,

заключенные в стерильных саркофагах, сошли с ума и поддались самому темному гневу.

Кровь. Он ощутил знакомый привкус, когда капля артериальной жидкости мертвого зверя проникла

сквозь борозду в броне и смешалась с биожидкостью, которая поддерживала в нем жизнь. Боль в

разуме ослабла, Жажда на миг была утолена. Если бы лицевые мышцы Гризори еще могли

работать, он бы улыбнулся. Благослови
тебя Император, Каил. Он поблагодарил
технодесантника, разработавшего
сложную сеть каналов, которые сделали
возможным подобное
избавление от тук.

Едва гредноут пересек гругу тел, как
сенсориум саркофага Гризори выдал
несколько

предупредительных символов. Мгновение
спустя мимо него пролетел Амит,
отброшенный

мощным ударом выжившего зверя. При
приземлении тело магистра оставило за
собой глубокую
борозду.

...

Дисплей шлема озарился глинными
потокатами данных, когда Амит поднялся на
ноги. Удар

повредил один из ценных кулаков и разбил
нагрудник. Из носа текла кровь, несколько
зубов

шатались. Магистр зарычал при виде

того, как громадное создание раздавило
кого-то из
отделения Даила.

- Гризори, прикончил эту тварь.

Гидравлические системы и поршни в ногах
дредноута взревели, словно огонь тяжелого
болтера,

когда тот отбросил дергающуюся
существо и направился к огромному зверю.
Чудовище

обернулось ему навстречу, опустив голову
и широко распахнув пасть. Не
останавливаясь, Гризори

выстрелил ему в торгу из осколочного
гранатомета. Зверь взревел и, закрыв
глаза, отшатнулся от

взрыва. Гризори ринулся вперед, целясь
эвисцераторами в брюхо. Зверь завопил от
боли и

ударил его головой. Дредноут пошатнулся
и не успел уклониться от соткнувшихся на
нем

челюстей. Но дисплею Гризори побежали
предупредительные символы, когда

метровые клыки

зверя пробили адамантиевый корпус и повредили генератор. Без него Григорий долго не протянуть.

- Ты утрешь первым! -- взревел Григорий. Усиленный аудиосистемами саркофага, звук был ужаснее

рева любого зверя. Активировав огнемёт, Григорий отыл струей раскаленного прометия раны,

оставленные в брюхе зверя, и испепелил ему внутренности. Существо отшатнулось, из ран валил

густой дым, по коже, словно молочная желчь, стекали остатки органов. Григорий двинулся назад, используя остатки энергии, чтобы дотащить зверя к «Мести», к Алиту.

...

Алит зарычал от напряжения, поднимаясь по бронированному борту «Мести». Если бы не защита

громоздких терминаторских доспехов, он бы не пережил удара. Но, цепляясь за броню

боевого

корабля, и чувствуя, как горят от усилий
мышцы, он все же скучал по относительной
гибкости

силовых госпехов.

С натужным ревом Амит поднялся на
крыло, когда к кораблю приблизился
Гризори, волоча за
собой зверя.

- Пусть Сангвиний пирвет твоей душой! --
прокричал Амит и, спрыгнув с «Громого
ястреба»,

пронзил зверя рабочим ценным кулаком.
Он замахнулся грузой рукой и
потрескивающей от

энергии силовой перчаткой пробил шкуру
существа. Застонав от усилия, Амит вбил
елу в тело

пару телта-зарядов и активировал ценной
кулак. Под тяжестью Амита зубья оружия
впились

зверю в бок, позволив магистру ордена
опуститься на землю. Существо билось в
судорогах,

тицетно пытаясь сбросить его с себя.
Зверь пошатнулся, но не упал, успев
бросить на магистра

ордена последний взгляд и взреветь,
прежде чем мelta-заряды детонировали.

Взрыв отбросил Амиа на броню «
Мести» с силой, которой было достаточно
для того, чтобы

разбить бронестекло кабины. Он с
грохотом повалился на землю, и сверху на
него посыпались

куски дымящегося мяса и брызги кипящей
крови

Даже у нас есть пределы, брат. Но, как и в
случае с любой истиной, всегда найдутся
те, кто

станут это отрицать. Невежественные
люди почитают нас за богов, поклоняются
нам как

богоподобным созданиям неимоверной
силы, которые в равной степени несут
надежду и ужас.

Но в наших сердцах нет места
милосердию, брат. В наших венах не

мечет избавление.

Но Гнев, Гнев не ведает пределов. Некоторые считают, что мы облачаем проклятых в черное, дабы таким образом оплакать их уход. Но они заблуждаются. Мы — ангелы ярости и насилия.

Мы — гнев, и мы — смерть, и ничего больше. В последние мгновения жизни мы принимаем тьму, потому что после смерти нет ни света, ни прощения, только чернота гнева и отпущение грехов в смерти.

Убо только смерть освобождает от долга.

Третья глава

Покорение

- Уйти стожешь? -- спросил Кассиус и, скривившись, выдернул из бицепса шип.

Позади него, прислонившись к насыпи, сидел Хатиед и сжимал руками живот, из которого сквозь

пальцы сочилась кровь.

- Стогү, - Хатиед остановился. -- Но не стогү тащить сержанта.

Кассиил фыркнул, бросив взгляд на Асмогеля. Сержант все еще оставался без сознания, его рот

покрывала пленка засохшей слюны.

- Мы так долго его несли, брат. Это не должно оказаться зря, - сказал Хамиег.

- Прокляни тебя Император, Хамиег, - прорычал Кассиил и взвалил Асмогеля на плечи. - Давай

покончим с этим.

Хамиег скривился, с трудом поднявшись на ноги, и последовал за Кассиилом через гребень

огненной ямы к траншеям.

В воздухе висело густое облако пыли, поднятое взрывами мин.

- Ничего не вижу, - сказал Кассиил и пошатнулся на неровной земле, переступая участок колючей

проволоки.

- Нам сюда, - произнес Хамиег, шагая вперед.

- Откуда ты знаешь?

- Из «Грозового ястреба» вытекает топливо? Разве не чувствуешь?

Кассиил указал на разбитый нос.

- Нет.

Скауты шли дальше, не обращая внимания на доносящиеся неподалеку краткие залпы болтерного

огня. Ни один Расчленитель не сумел бы проявить подобную выдержку во время боя. Один

выстрел означал казнь. Каждый снаряд обрывал чью-то жизнь, предавал раненого зверя смерти

или даровал милосердие Императора. Одному из братьев, подумал Кассиил, стиснув зубы.

Когда они приблизились к лагерю, скаут остановился.

Место высадки было разрушено до основания.

Звери сровняли укрепления с землей, тщательно выстроенную оборону Расчленителей

перетолкло когтями и копытами. От «

Шипастого ангела» и «Успивающего
кровь» остались лишь

дымящиеся обломки, из всех «Грозовых
орлов» невредимым остался только «Гнев
смерти». Три

«Грозовых ястреба» выглядели немногим
лучше: «Ярости Ваала» недоставало
крыла,

«Зазубренный ангел» был покрыт сотнями
глубоких царапин, его керамитовая броня
погнулась от

громыхавших клыков, а на двигателях «
Мести» остались огромные вмятины.

- И как теперь, под солнцем Ваала, мы
выберемся отсюда? -- Кассиус упал на
колени, вес

Асмодея оказался непосильной ношей для
израненного скаута.

- Уходишь так скоро, брат? Ты ведь
только что прибыл.

Кассиус обернулся и увидел
ухмыляющегося Биеуса.

Левая рука сержанта оканчивалась у
локтя, а отличительные знаки

опустошителя исчезли под толстым слоем копоти, покрывавшим опаленные доспехи. Кассиил ощутил укол вины. Сначала

сцепившись в бою со зверем, а затем скрываясь от полчища отступающих животных, они с

Хатиегом так и не успели помочь отделению Биеила.

- Похоже, не ты огни повстречались с местными, - кровожадно улыбнулся Кассиил.

- Видимо так, - ответил Биеил, указав на раны, покрывавшие Кассиила и Хатиега. Его улыбка

погасла, едва взгляд упал на Асмогеля.

Лицо Кассиила окаменело.

- Гнев.

- Да сохранит его Сангвиний, - Биеил ударил себя по нагруднику. - Вы найдете Зофала на юге, около « Гнева смерти ».

- Кровь защищает, - благодарно кивнул Кассиил.

Биеил отвернулся, окинув взглядом

десятки разорванных Расчленителей, чьи
трупы лежали по
всему лагерю, их красные доспехи
выделялись на черной земле, словно брызги
крови.

- Не сегодня, брат.

...

- Оставь меня, - бросил Амит
приближающемуся Цезалилу и,
отмахнувшись от аптекаря, присел
рядом с Григори. Лишенный энергии,
среднот повалился на спину. Неподвижно
лежащий в грязи

корпус был немногим больше, чем красивой
бронированной могилой.

- Прошло слишком много времени с тех
пор, как ты убивали кого-то достойного, -
прохрипел

Григори через поврежденные аудиоттеры
брони.

Амит ничего не сказал.

- Не молчи, брат. Твоя скорбь не принесет
никому добра. Я сражался в войнах
Императора целых

три жизни, - голос Гризори стягнулся настолько, насколько позволяли древние приемыники. --

Смерть заждалась меня.

- Я бы не одолел зверя без твоей помощи.

- Одолел бы.

Амит улыбнулся.

- Радуйся, брат. Я умер в багрянце. За все годы, после всей пролитой крови и отнятых жизней

Гнев никогда не становился мне хозяином,

- голос Гризори начал искажаться, вокс-приемыники

плевались статикой, постепенно истощая запасы энергии. На последнем издыхании предноут

открыл безопасный вокс-канал с Амитом. -

- Для нас пока есть надежда, брат. Есть надежда для тебя.

Немногие знали о стыде Амита. Об ужасном приступе Гнева, которому он поддался, и о тех, кого

он убил. Чувство вины преследовало

магистра еще со времен старого легиона, задолго до того, как он переродился Расчленителем. Аним до сих пор чувствовал привкус волчьей крови, эйгетическая память служила жестоким стражем для его ненависти. Но он никому не остеливался

поведать об истинном стыде, об ужасе, который терзал его в ночных кошмарах: что обитавший

глубоко внутри него трек жаждал вкусить этой крови снова.

- Надеюсь, брат, ты прав.

Тригори не ответил.

...

- Канеллан, - Кассиил положил тело Астогеля на землю и опустился на колени перед Зофалом.

Зофал стоял над мертвыми Расчленителями, чернота его доспехов исчезла под запекшейся

кровью. Трупы были сложены так, словно обращались молитвой к небесам: они лежали на спинах, с вытянутыми вдоль

түловищ рұқати и повернутыми вверх
ладонями. Это была древняя

ваальская традиция, но, учитывая
варварскую природу планеты, она казалась
странно уместной.

- Простите, капеллан...

Зофал оторвался от молитвы и
повернулся к Кассиилу.

- Прощение требуется тем, кто не
оправдал ожиданий. Ты не оправдал
ожиданий, скаут?

Кассиил почувствовал, как под взглядом
Зофала у него пересохло в горле.

- Я... - попытался заговорить он, мысль о
неудаче отняла последние крохи
оставшихся в нем

сил. Он посмотрел в ничего не
выражающие глаза капеллана и не увидел
в них ни утешения, ни

осуждения. -- Брат-сержант Асмогель
поддался Гневу, - продолжил Кассиил,
заставив себя

говорить чуть громче. -- Если бы не
Хатиев, - он указал на другого скаута, - я

бы убил его.

Зофал не сводил взгляда с Кассиила.

- Но не убил.

Кассиил протолчал и нахмурился, прокручивая в памяти события прошедших дней.

- Даже под страхом смерти многие не могут найти в себе силы забыть о своих желаниях и сделать

то, что должно. Поэтому я спрошу опять. Ты не оправдал ожиданий Императора и оргена?

Позволил ли ты слабости руководить своими действиями?

- Нет, капеллан. Он не позволил, - произнес Хатиев, его голос превратился в сжатый рык.

- Значит, тебе не требуется мое прощение, - Зофал жестом приказал Кассиилу подняться и

поручил паре сервов взять тело сержанта.

- Ты почтил память Асмогеля, вернув его мне.

Сервы потащили Асмогеля к торчащему в

земле обломку крыла, их
аугментированные конечности
взвыли под тяжестью сержанта.

- Ты -- сын Сангвиния, гитя, порожденное
гневом, - сказал Зофал, когда сервы
приковали

Асмогеля к крылу. Капеллан склонился над
сержантом, взял его за подбородок и
зарычал.

Асмогель, закричав, очнулся,
мучительный стон перерос в хриплый рев.
Цепь зазвенела, когда его
тело напряглось и забилося в судорогах.

Зофал отступил назад и стянул обрывок
ткани, под которым оказался богатый
украшенный ручной

огнем. Сержант зарычал, едва капеллан
активировал воспламенитель.

- Дарин Асмогель, я облачаю тебя в
черное, ибо после смерти нет света, а
только прощение.

Зофал нажал спусковой крючок, и струя
пламени лизнула панцирь Асмогеля.

Сержант рычал, подвывая, словно зверь,

пока огонь опалял доспехи и зачернял их поверхность.

- У мертвых нет крови, поэтому мы даруем ее тебе, - Зофал закончил ритуал Ураната. -- Отплати

же за нее кровью врага.

Сняв перчатку, он провел ножом по ладони, а затем кровью нанес крест на наплечник Асмогеля.

- Готово, - Зофал повернулся к Кассиилу. -- Уди же. Скорби об утрате сержанта.

Кассиил хотел что-то сказать, но не нашел слов. Вместо этого он бросил последний взгляд на

воина, который некогда звался Асмогелем. Скаут ушел, моля Императора о том, чтобы быть

облаченным в багряную броню Расчленителя, когда за ним придет смерть.

...

- Контакт, к северу от нас, - в ухе Алита раздался хриплый голос Баракиила.

- Что еще?

- Идентификационные отпечатки... брат-
сержант Манакель, но...

Амит зарычал, когда поврежденный комм-
канал зашипел, утопив слова Баракиила в
статике.

- Дрүал, Тилонас, за мной.

Вместе с двумя ветеранами Амит
миновал северные укрепления и
присоединился к Баракиилу.

Капитан ничего не сказал подошедшему
магистру, он неотрывно встатривался в
огневой мешок,

который Биеил и его воины создали в лесу.
Амит проследил за его взглядом --
расчищенный

участок земли больше не был пустым.

- Во имя Трона... - застыл на месте
Тилонас.

- Не думаю, что нам хватит боеприпасов,

- заметил Дрүал, рефлекторно
изготовившись к
стрельбе.

Амит безмолвно рассматривал тысячи
дикарей в рваных звериных мехах и

губленных шкурах,

которые плотными рядами стояли за
сержантом Манакелем. Большинство
воинов были

вооружены копьями с кремневыми
наконечниками и грубо вытесанными
мечами. Похоже, защита

их не волновала. Остальные высоко
держали знамена: флаги из шкур,
натянутые на каркасах из

кости и дерева и украшенные символами
оргена Расчленителей.

Друал зарычал, приносясь.

- Это не растительная краска, - сказал он,
указав на кресты, нанесенные на грудь
каждого воина.

Жестами приказав гикарями не сходить с
места, Манакель приблизился к магистру
оргена.

- Я разрешил идти только тем, кто
готов пролить кровь за орген, - сказал
Манакель, преклонив

колени перед Атитом. Армия варваров за
ним последовала его примеру. -- Раз

видеть вас снова, магистр ордена.

Алит не сводил взгляда с орды.

- У я тебя, брат, - он указал Манакелю подняться. -- А теперь объяснись.

Манакель протянул Алиту талисман-аквилу, которую дал ему дикарь.

- Когда-то эта планета принадлежала Императору.

- Ты не можешь судить только по одной безделушке, будто здесь побывал Император, - отрезал

Баракиил.

- Вы правы, брат-капитан, - Манакель говорил медленно, его гнев из-за оскорбления сдерживался

уважением к капитану. Воин повернулся к варварам. -- Тамир, атта, - крикнул он, подняв кулак.

- Ты говоришь на их языке? -- спросил Алит.

- Немного. Его корни сходны с диалектом древней Терры, хотя, похоже, главное значение здесь

играют жесты.

Из рядов коленопреклоненной орды
поднялся воин и подошел к
Расчленителям. Его левый глаз
опух, он шел как человек, бредущий по
зыбучим пескам. Крепкие мышцы вздулись
под толстыми

лианатами, обмотанными вокруг плеч и
тела, когда он протянул Расчленителям
исполинских

размеров меч.

- Его зовут Тамир. Он самый сильный их
воин, - Манакель ответил на вопрос
прежде, чем он был
задан.

- Выглядит не очень, - ухмыльнулся
Тилонас, окинув взглядом уставшего
Тамира, когда воин
преклонил перед ним колени, тяжело и
прерывисто дыша.

Манакель зарычал.

- Он нес этот меч целый день, и не
побоялся моего гнева. Можешь ли ты
сказать то же самое,

брат?

Тилонас растаялся.

- Твоего гнева? Я скорее ребенка испугаюсь.

- Довольно, - отрезал Амит и наклонился, чтобы изучить оружие. Ретинальный дисплей ожил,

наложив на глаз информационную сетку. Эмаль, гентин, цемент. Заточенный до невероятной

остроты клинок изготовили из громадного резца. В глину он превышал его рост, и был крупнее

всего, с чем ему приходилось сражаться. Магистр стиснул рукоять, цельный кусок кости,

обмотанный чешуйчатой кожей, поблекшей и растрескавшейся от времени.

Даже в

терминаторских успехах его пальцы едва сомкнулись. Сервоприводы гневно взвыли, когда он

взял оружие двумя руками. Загорчав от усилия, Амит умело взмахнул клинком горизонтальным и

диагональным ударами. Несмотря на

размеры и вес, оружие было идеально сбалансированным.

- Где он его нашел?

Манакельмахнул Тамиру.

Воин заворчал и принялся водить веткой по грязи, набрасывая грубые очертания.

- Рактор, - произнес он, указав на тело одного из чудовищ, атаковавших лагерь. --

Рактор, -

повторил он.

Алит кивнул, чтобы дикий продолжал.

Тамир достал из заспинных ножен глиняный кинжал. Он был меньшего размера, но почти

неотличимый от клинка в руках Алита, его костяная рукоять была обмотана звериной шкурой,

лезвие изготовлено из цельного резца. Он протянул клинок к трупу монстра, а затем ткнул в один

из его зубов. Смысл жеста Тамира был понятен -- его клинок сделали из зуба зверя вроде того, что

убили Алит и Гризори.

Лицо Амиа окаменело, едва он понял, что последует далее.

Тамир вывел на земле еще одну фигуру, очертания зверя, вдвое превосходившего предыдущего.

- Ракторикс, - Тамир указал на громадный меч в руках Амиа. - Ракторикс, - повторил он.

...

Решительность горячила кровь, пока Амит стоял в окружении командиров. Она походила на

наркотик, пламенную эйфорию, которой магистр не испытывал со времен основания ордена,

прежде чем Проклятье проредило ряды его воинов и забвение не стало единственным уделом.

- Братья, на планете водится огромный зверь. Он крупнее даже богов-машин Марса, - Амит

прервался, поочередно оглядев собравшихся Расчленителей: Зофала, Баракиила, Менаделя,

Биеила и Манакеля. -- Мы должны убить
его.

- Зачем? -- спросил Зофал.

- Мы окровавлены, но не сломлены, - Амит
обвел рукой лагерь, говоря об оргене в
целом, а не о

собравшихся воинах. -- Если мы сможем
укротить эту землю, одолеть зверя,
тогда мы сможем

покорить все что угодно, - голос Амита
упал до хриплого шепота. -- Даже Жажгу.

- Это безумие, - Баракиил вызывающе
шагнул к Амиту. -- Это не наша задача.

- Это решать мне.

Баракиил пропустил мимо ушей слова
магаистра и повернулся к остальным.

- Вы слышали доклад скаута Кассиила --
орки мертвы, их пожрали обитающие
здесь существа.

Нам тут больше нечего делать. Мы
должны связаться с Нетой и вернуться на
корабли.

- А что потом? -- спросил Амит.

- Потом мы встретится со Звездными

Фантоматами и направится вглубь
Саккарского сектора, как
запланировано.

- А дальше? - голос Алита превратился в
сжатый рык.

Баракиил собирался ответить, но Алит
продолжил.

- А дальше, брат? Что будет, когда не
останется ничего? Когда мы побываем в
каждом бою,

сразится в каждой войне в этой галактике
и во всех остальных? Те, кто придет
после, позабудут о

наших деяниях, и нас заполнят только по
Проклятью, - Алит указал на пепельный
корпус «Гнева

смерти».

- Мы воины, а не мудрецы. Пусть другие
волнуются насчет того, что успели
сделать, а что нет, -

прорычал Баракиил. -- Твоими устами
говорит кровожадность. Я не позволю тебе
впустую тратить

жизни наших братьев.

- Ты не позволишь мне? -- из рта Алита
полетела слюна, внутри него вскипел гнев.

В горле

запершило от сухости. Он жаждал крови
крови Баракиила. Казалось, прошло так
много времени с

тех пор, как он убивал, с тех пор, как
утолял жажду.

« Император, благослови меня своим
терпением. Наполни меня праведным
пламенем, которым

я выжгу жажду крови. Император, сохрани
меня от тьмы в моей душе», - Алит
мысленно

прошептал молитву, стараясь
успокоиться. Он не убьет еще одного
преданного сына Императора.

- Баракиил, нам не уйти от Проклятья.
Если мы хотим выжить, то должны
остаться и встретиться с
ним.

- Бежать? Я не трус, - выплюнул
Баракиил. -- Не все из нас разделяют твой
страх... - знаменосец

пошатнулся, когда Алит стремительным ударом врезал ему в нос.

Баракиил утер хлынувшую кровь.

- Так тому и быть, - произнес он и ринулся вперед.

Алит кинулся на капитана, высвободив в утробном рычании гавно сдерживаемый гнев.

Расчленители врезались друг в друга. Облаченные в тяжелую броню и преисполненные гневом,

они стали одновременно неодолимой силой и несокрушимой скалой. Никто не уступал ни пяди,

забыв о всякой защите и обрушив на противника град ударов. Атака Алита была достаточно

мощной, чтобы убить человека, но Баракиил был быстрее, успевая нанести по три удара за

каждые два магистраль ордена. Терминаторская броня воинов натужно была и плевалась искрами,

пока Расчленители доводили их до

пределов прочности и выносливости.

Сервоприводы поврежденного цепного кулака Алита заискрились и вышли из строя под

непрерывными ударами Баракиила.

Алит раздраженно зарычал. Даже невзирая на огромную силу, без помощи брони он не мог

действовать рукой. С бесполезно висящей левой рукой бой постепенно становился односторонней

тренировкой. Магистр скривился, почувствовав, как ударом головой Баракиил сломал ему нос, прежде

чем толчок ногой в грудь повалил его на землю. Капитан последовал за упавшим Алитом, желая

вмонтировать его в грязь.

Манакель двинулся наперерез, но путь ему преградил Зофал.

- Будет так, как пожелает Кровь, - приглушенный голос капеллана не скрывая сквозящую в его

взгляде угрозу.

Тяжелый кулак капитана разорвал Амиты
щеку.

- Ты забыл, кто тебя обучал, - он выплюнул
слова окровавленным ртом, задержавшись
на

мгновение, а затем с силой ударил ногой в
колени Баракилу. Болезненный вскрик
заглушил

резкий хруст кости. Амит жестоко
ухмыльнулся, улучшенный слух позволил
ему насладиться

одновременно обоими звуками. - Ты всегда
спешил нанести последний удар.

Амит схватил Баракилу за горло и с
силой ударил в лицо, и только затем
позволил капитану
упасть.

Баракил повалился на землю, но тут же
попытался подняться.

Амит шагнул к нему, в ушах, словно звон
огромного колокола, стучала кровь.
Пришло время
убивать.

- Лорд, - вмешался сержант Менагель. --

Поединок окончен.

Он указал на Баракиила, но при этом не сводил глаз с магистра оргена.

- Еще нет, - прорычал Амит.

- Окончен, - сержант бесстрашно встретился взглядом с Амитом, держа клинок низко опущенным, чтобы в случае необходимости разрубить сервоприводы на ногах магистра оргена.

- Это не остановит меня.

- Посмотрим.

Амит улыбнулся, впечатленный решимостью Менаделя. Это был грозный, жестокосердный воин,

Амит не раз видел его в бою. Сержант использовал любое преимущество, дарованное ему

Кровью, дабы уничтожать врагов человечества. Несколькоми часами ранее он остался внутри

«Мести» и командовал обороной, сопротивляясь зову битвы и стремлению лично сойти на поле

боя, которые горели в крови у каждого

Расчленивателя. Если они собираются
когда-либо победить

Проклятье, то им потребуются больше
таких воинов, как Менагель.

- Однажды я убью тебя, капитан, - сказал
Амит.

- Как того пожелает Кровь, - Менагель
опустил голову, принимая повышение.

...

- Полагаю, тебе скорее требуется
апотекарий, нежели капеллан, - не
оборачиваясь, сказал Зофал, безошибочно
распознав скрежещащее бормотание
поврежденных доспехов Амита.

- Я не прощу Баракиила, - Амит
присоединился к капеллану на руинах
южного вала. -- Мне нужен
твой совет, Зофал.

- Ты уже решил, как поступить.
Амит кивнул.

- Да, но что, если я проиграю? Что тогда
ждет орден?

- Ты подобрал хороших капитанов. Ты
испытал их силу и решимость, и они не

подвели тебя, -

Зофал остановился, чтобы снять шлем. --
Если однажды ты падешь в бою, то орден
будет жить.

Но мы стоим на краю пропасти, на кривой
дороге между безумием и спасением. Наши
братья не

смогут принять жертву магистра ордена.

- Победа всегда требует жертв.

- Да, такова горькая правда. Но в этот раз
я не предстоит совершить мне.

- Тебе? -- выдохнул Амит, ошеломленный
неожиданным поворотом разговора.

- Хранить дух ордена -- моя работа. Ты
должен вернуться к ним, Амит.

- Я не могу просить тебя пожертвовать
собой ради меня. Так поступит лишь трус.

- Иногда, брат, требуется большая
храбрость, чтобы жить дальше.

- Но...

- Но будет так, как пожелает Кровь, --
капеллан оборвал Амита, судя по тону, не
терпящему

возражений, желание обсудить что-либо у Зофала иссякло.

Амит заглянул в глаза капеллану. Морщины на лбу и вокруг глаз Зофала стали глубже, чем он

помнил. В момент безмолвной связи железная маска несокрушимого капеллана, наконец, спала,

позволив Амиту впервые увидеть его истинный облик. Проклятье не пощадило Зофала, лишив его

жизнерадостности, и хотя на старческой плоти не было видно следов от клинков или клея,

шрамы капеллана были глубокими.

- Как пожелает Кровь, - повторил Амит, стиснув наруч Зофала.

...

Двигатели «Гнева смерти» низко загудели, когда боевой корабль приготовился к взлету.

Тилонас и Дрүал поднялись на борт. Магнитные подвески в отсеке пустовали.

- Надеюсь, Зофал знает, что делает.

Даже самая глинная молитва не удержит
надолго

обреченных, - сказал Дрүал, пристегиваясь.

- Я бы не беспокоился, - трaчно произнес

Тилонас. -- Он захватил достаточно

дикарей, чтобы

сдержать Жажду.

Алит положил руку на наплечник

Баракиил, остановив капитана, едва тот

ступил на ратну.

- Это задание не для тебя.

Баракиил повернулся к нему.

- Я недостойн даже сопровождать тебя?

- Ты боролся за убеждения. Тут нечего

стыдиться, - Алит заглянул Баракиилу в

глаза. Взбучка, которую он устроил

капитану, нисколько не пошатнула его дух.

- Но тебе следует остаться.

- Как пожелаешь.

Алит прошел мимо него по ратне и

затер.

- Брат, если я не вернусь... - Алит

затолчал. -- Пообещай мне, что вернешься с

орденот и

завоюешь планету.

Капитан хранил молчание.

- Ты не откажешь мне в этом, Баракиил.

- Как пожелаешь. Но лучше, если ты сделаешь это сам.

Алит кивнул и стиснул наруч первого капитана в воинском приветствии.

- Если будет на то воля Крови.

...

- Сила Сангвиния...

Алит активировал пункт-экран, едва услышав по комту запинаящееся бормотание Задкиила. Экран

затмил, прежде чем показать то, что так встревожило пилота. В долине под ногами возвышался

пакторикс. Зверь выглядел столь же могучим, каким обрисовал его Талир, и куда крупнее, чем

представлял себе Алит. Из спины на неравных расстояниях выступали громадные наросты,

соединенные вместе узловатыми пучками

мышц и связок, придавая зверю вид живой горы.

Алит решительно сжал зубы. Для выживания ордену требовался гом, нечто большее, чем

кровопролитие, то, что связывало бы его воедино. Но сначала ракторикс должен умереть.

- Подводи ближе.

Ракторикс отличался глинной шеей и извивающимся хвостом, исчезавшим в густом лесу, высота

зверя не уступала ширине. Стоя на двух задних лапах, похожих на настоящие столпы из мышц и

костей, передними когтистыми конечностями он отрывал куски мяса от разбросанных вокруг

трупов -- выпотрошенных останков других, невероятно больших существ. За исключением живота,

который свисал, словно мясистый мешок, у зверя было поразительно мало жира, его громадное

тело было исчерчено толстыми полосами
жил, придававшими коже гладкую
коричнево-зеленую
текстуру.

- Две минуты до оптимальной дальности
огневого поражения, - спокойным голосом
сообщил по
воксу Закиил.

Алит ничуть не удивился самооблаганию
пилота. Его собственный пульс даже не
участился,

сердца едва слышно бились в груди. Хотя
магист был далеко не так спокоен, ибо
гнев неотступно

следовал за ним, внутренний зверь рычал
тихо, загнанный на границу сознания. Он
рокотал,

словно отдаленный гром, а не ревел,
подобно стремительным ударам молота,
как обычно, когда

Алит неся в бой. Они шли не на
праведный штурм и не в яростную атаку.
Их ждало нечто иное.

- Открыть люк, - Алит направился к

распахнувшейся рампе, его ботинки
вздрагивали каждый раз, когда их
магнитно закрепляло на палубе, и взглянул
на зверя. Магистр уставился в чернильно-
черный глаз, пытаясь оценить силу
существа.

Однажды Сангвиний рассказал о его
воссоединении с отцом. Многие примархи
нападали на

Императора или сомневались в его
намерениях, но Сангвиний сразу признал в
нем отца. « В

некоторых вещах, - сказал Атмү Ангел, -
воин сразу узнает свою судьбу, будущее,
ставшее

реальностью». Только сейчас, разглядывая
ракторикса, Атмү понял примарха до
конца.

- Одна минута.

Даже сквозь рев двигателей « Гнева
Смерти», завывание ветра и гул госпехов
Атмү слышал

сердце зверя. Оно билось медленно и
спокойно, словно движение земли.

Факторикс не ведал

страха. Сегодня, пообещал себе Алит, это изменится.

- Цел...

- Огонь, - магистр ордена равкнул прежде, чем Загниил успел закончить. В ответ на магистрское

шлема Алита мигнул символ подтверждения, за секунду до того как корпус «Гнева смерти»

загрожал от грохота орудий.

Но зверю затолотили лазерные лучи. Каждое копье света было настолько мощным, что могло

пробить танковую броню, но выстрелы лишь опаляли шкуру зверя. Мгновением позже в него

угодила россыпь ракет. Восемь боеголовок разорвались на шкуре чужовища бессильным

огненным штормом.

Зверь взревел. Шея дернулась вслед за «Гневом», когда боевой корабль выходил на новый заход.

Очередной рокошущий рев предшествовал
дымящейся струе пламени, которая
вырвалась из пасти

зверя и омыла кабину «Гнева», захлестнув
боевой корабль. Раскаленное добела платя
сожгло

теплозащиту и краску, оставив только
серый кератит и участки почерневших
ржавых подпалин.

Алит сделал шаг назад, когда платя
пронеслось рядом с дверью.

- Задкиил, состояние?

- Серьезных повреждений нет, магистр
оргена. Пока мы вне пределов
досягаемости, мы можем...

Нас атакуют! С левого и правого бортов.
Еще одна стая этих проклятых
Императором птиц, -

прорычал Задкиил.

- Разберитесь с ними, - Алит повернулся к
Друалу и Тилонасу.

Штурмовая пушка Друала начала
раскручиваться еще до того, как воин
выбрался из подвески.

- Подвернулись как раз вовремя.

Терминатор распахнул люк по левому борту и открыл огонь. Гильзы медным дождем посыпались

на палубу, когда он отследил и уничтожил пару летающих созданий.

Позади него Тилонас занял позицию по правому борту.

Удар клювом заставил Амата припасть к палубе, когда одно из существ вылезло на штурмовую

рампу. Магистр зарычал и ударил снизу, вогнав цепное лезвие в череп существа. Птица забилась

в его хватке. Амит заглянул в блестящие черные глаза и улыбнулся, заметив в них знакомый

проблеск ужаса.

- Утри, - едва слышно произнес он, активировав цепное лезвие. Оружие заурчало, разорвав

череп птицы и забрызгав его кровью. Вперемешку с кусками плоти.

- Заклинило, - прорычал Тилонас,

раздраженно ударив кулаком по оружию.

Отсек наполнился

пронзительным визгом, когда одно существо врезалось в борт, из-за чего «Гнев» вздрогнул, и

Тилонаса сбило с ног. Терминатор поднялся слишком поздно и не успел защититься -- зверь

вцепился в него и потащил наружу.

- Тилонас! -- Дрүал оглянулся, но продолжил вести огонь, не рискуя оборачиваться спиной к люку.

- Не волнуйтесь, братья. Я отомщен, -- прозвучал по воксу голос Тилонаса. Секунду спустя

терминатор исчез из поля зрения Амиты, раздавленное тело птицы полетело вслед за ним.

- Да направит тебя Сангвиний, брат, -- голос Амиты стал напряженным от заключенных в нем

чувств.

- Думаю, я достигну земли и без его помощи, -- Тилонас издал гортанный стех,

который

стеснивался с усиливающейся статикой, пока оба звука не слились воедино.

Алит держал вокс-канал открытым, вслушиваясь в шипение статики, пока передача внезапно не оборвалась.

- Что дальше? -- спросил Дрүал.

- Продолжай стрелять, - приказал Алит, не сводя взгляда с ракторикса, по шкуре которого

колотили снаряды «Гнева». Будь он огащен психическим потенциалом, как библиарии оргена, его

гнева хватило бы, чтобы испарить существо. Он одержал бы победу там, где не стогли этого

сделать орудия корабля, и с радостью пожертвовал бы за это душой. Но едва ли это было сейчас

важно. От него требовалось только удержать зверя в долине. Смертельный удар предстояло

нанести не ему.

Зофал нащупал выемку в скале и начал взбираться. Семеро воинов Роты Смерти по обе стороны

от него сделали то же самое. Шестнадцать дикарей уже успели подняться на несколько метров,

карабкаясь по скалам с легкостью, порожденной жизненной необходимостью. Капеллан

уважительно хмыкнул. То, что они продолжали действовать с такой отвагой после случившегося в

лесу, лучше всяких слов говорило о силе человеческого духа.

Путь из лагеря Расчленителей был тяжелым и полон опасностей. Члены племени помогали им

избегать смертоносной фауны планеты и скрывать запахи от зверей, рыскающих в зарослях. И все

же путешествие отняло жизни двух воинов из Роты Смерти и почти сорока людей. Но настоящее

кровопролитие началось только после
окончания боя, когда последние из
приземистых созданий, которые
атаковали их, были преданы мечу. Дикари
оказались беззащитными против кровавой
ярости обреченных. Зофал окинул
взглядом подсохшую кровь, которая
покрывали темные доспехи

Роты Смерти, и вздохнул. От Жажды не
уйти.

Выкинув из головы воспоминания о резне,
он продолжил подниматься. Дикари
отрывались от

костических десантников, словно не
обращая внимания на обжигающий камень,
от которого у них

на руках вздувались волдыри, и капеллан
вознес хвалу за силовые доспехи... хотя
броня вряд ли

защитит его от того, что близится.
Зофал поторщился и повис на одних руках,
когда кусок скалы

откололся под ногами, капеллану внезапно
стало интересно, представляют ли

местные жители,

что их ждет.

- Нас атакуют! -- взревел по воксу Алит,
оторвав Зофала от размышлений.

Он бросил взгляд через плечо и увидел
стаю несущихся к ним четырехкрылых
птиц. Из «Гнева

смерти» вырвались потоки снарядов,
срезав двух существ и разорвав крылья
третьему, и те по

спирали рухнули вниз. Оставшиеся птицы
издали пронзительный крик и сорвались в
отвесное

пике.

- Принесите им смерть! -- прокричал
Зофал, ни на секунду не останавливаясь.
Он пришел сюда не

для того, чтобы сражаться.

Но того же нельзя было сказать о Роте
Смерти. Их единственной целью было
вести бой,

позволить капеллану выжить и
выполнить задачу. Обезумевшие

Расчленители открыли огонь из

болтеров, взревев от ненависти, когда из
зверей вырвались фонтаны крови.
Стаккато очередей
походило на громогласную молитву, их
утробный рев был бессловесной литанией
битвы. В

окружении избранных Проклятьем, Зофал
чувствовал себя переродившимся.

Он поднимался все выше.

Мимо него просвистели копья отчаянно
сражавшихся гикарей. И вновь капеллан
восхитился

воинами-людьми: они утирали, не
запятнав чести. Никто не кричал и не
вопил, пока их рвали на

куски, сталкивали с утесов и сбрасывали в
пропасти.

Он вскарабкался мимо десантника из
Роты Смерти, отмахивавшегося ценным
мечом от клюва

птицы. Кости́ческий десантник взревел и
бросился на существо. Оно завопило, когда
ценное

лезвие разрубило крыло, и катнел рухнуло

вниз.

- Да хранит тебя Кровь, брат, - произнес
Зофал вслеп падающему десантнику Роты
Смерти.

- Ка-пел-лан! -- проорал Асмогель. Как у
всех из Роты Смерти, голосовые связки
воина лопнули от

непрерывного рева, из-за чего его
предупреждение прозвучало скорее как
рычание, нежели
связное слово.

Зофалу большего и не потребовалось, он
ушел в сторону как раз вовремя, чтобы
избежать

похожего на булаву хвоста, который
врезался в камень там, где еще секунду
назад находилась его

голова. Из-за резкого движения Зофал
повис на одной руке, не в состоянии
нащупать опору ног

ногами. Он стиснул зубы, взглядом ища,
куда двинуться дальше, пока существо
готовилось к

новому удару.

Прежде чем капеллан успел что-либо сделать, Асмогель запрыгнул птице на спину. Он с воплем

вознал нож в шею существа и крепко ухватился за рукоять, чтобы птица не смогла сбросить его.

Бывший сержант с ревом и проклятьями открыл огонь из болт-пистолета прямо в спину существа.

Когда птица стала падать, Асмогель соскочил с нее, протягивая руки к скале.

Наконец Зофал нащупал опору и вытянул руку, чтобы поймать Асмогеля. Капеллан разжал

пальцы, приготовившись схватить предплечье боевого брата.

- Кровь! -- взревел Зофал, когда по его доспехам разбрызгало жизненную влагу Асмогеля.

Мимо пронеслась еще одна птица, когтями разорвав бывшего сержанта.

Зофал не чувствовал ничего, кроме гнева, когда на дисплее шлема погасла очередная идентификационная отметка. Он убьет

каждого зверя на планете. Он будет
проливать кровь до тех
пор, пока земля не утонет в багрянце.

Вверх. Вверх. Зофал выдал мысли о
насилии, сопротивляясь желанию помочь
братьям.

- Вверх, будь ты проклят, - прорычал он.
Решив вместо существующих углублений
создавать

новые, он принялся бить кулаками по
скале, гася свой гнев и взбираясь так
быстро, словно сама

высота была его врагом.

Вершина вулкана возникла словно из
ниоткуда, вынырнув из облаков так же
неожиданно, как и

зеркальная синева неба. Зофал перебрался
через край и стал спускаться в жерло. Он
оглянулся, но не увидел, чтобы за ним кто-
то следовал. «Кровь принесет вам
утротворение, братья мои».

Спрыгнув на выступающий камень,
капеллан нахмурился и сторгнул
предупредительные

символы, которые заструились по дисплею
шлема. Жар был настолько сильным, что
даже

керамитовое покрытие доспехов не
сможет долго защищать его. Он
скривился, чувствуя, как кожа
под броней начала покрываться
волдырями.

- Сержант Манакель, - Зофал открыл
вокс-канал с сержантом. У него еще
оставалось время, чтобы
в последний раз направить судьбу ордена.

- Капеллан? -- затрещал по каналу голос
Манакеля, искаженный толстыми
склонами вулкана.

- Серафим был прирожденным лидером.
Одаренным тактиком. Ты -- не он, - Зофал
затолчал,

чтобы Манакель понял сказанное. -- Он
был оружием, выкованным в огне битвы. Но
оружие

никогда не сможет разжечь пламя в
сердцах других. Я видел твои глаза,
Манакель, и я видел в них

тлеющие угли.

- Я... - Манакель запылся.

- Дикари шли за тобой, потому что твой огонь разжег в них первобытную веру. Направь свою

ярость, Манакель, используй ее, чтобы вывести орден из тьмы и помочь тем, кто не может

спастись от нее, сжечь ее в огне битвы. Ты должен воплотить Гнев, не поддавшись ему. Ты

должен стать противовесом, стертельной тишиной между каждым ударом кровавого сердца

ордена. Эта задача не столь почетна, нежели командование ротой, и гораздо сложнее. Но без

будущего не будет победы.

- Я понимаю, капеллан, - голос Манакеля был торжественным, тяжелым от возложенного на его плечи бремени.

- Да направит тебя Кровь, капеллан Манакель, - Зофал отключил котл и снял

личину шлема. Он

будет смотреть на вулкан своими глазами. Бурлящая лава облизывала стены жерла и плевалась у

него под ногами. -- Ты считаешь себя яростным, диким... - капеллан обмотал розарий вокруг

стиснутого кулака. -- Но у тебя нет иного выбора, - на термоядерном заряде мигнул красный

огонек, когда Зофал повернул рычаг активации. -- Я избрал уничтожение, и в моей гибели братья

найдут спасение.

Зофал закрыл глаза.

- Я -- месть, я -- гнев, я -- смерть.

...

От взрыва термоядерного заряда вулкан исчез в величественной вспышке. Камни, вырванные из

внутренностей горы, выстрелили в воздух на струях перегретого газа. За ними последовал огонь, который фонтаном вырвался из вершины вулкана и растекся по

склонат, предвещая потоки лавы: волны
извергнутой взрывом вязкой магмы.
Кипящая река огня устремилась в долину и

ракториксу.

- Покойся с миром, брат. Ты заслужил его,
- прошептал Алит, прижав руку к
нагруднику в

последнем салюте Зофалу.

- Выводи нас отсюда, - провоскировал
Друал Загкиилу, когда «Гнев смерти»
загрожал из-за

многочисленных толчков.

- Нет! - отрезал Алит, миг спокойного
созерцания раскололся от вскипевшего
внутри гнева. --

Удерживать позицию.

- Магистр ордена, мы должны уходить, -
Загкиил не сумел скрыть напряжение в
голосе.

«Гнев» тряхнуло опять, на этот сильнее.
Воздух наполнился густым пеплом и
скальными

обломками, из-за чего пилоту становилось

все сложнее удерживать корабль на лету.

Пирокластическое облако истекало пеном, золой и пемзой, которые покрывали долину,

окрашивая ее пепельно-серым цветом.

- Нет. Мы зашли слишком далеко. Я увижу смерть этого зверя, - Атит устоял на ракторикса, не

обращая внимания на колья лавы, разбиравшиеся о корпус «Гнева».

Громадное существо взревело, когда в него угодили куски горящего камня размером с танк. Оно

повернулось, чтобы бежать от приближающейся лавы, ревя каждый раз, когда поверхность

уходила у него из-под ног. Сметенная вулканической активностью земля поймала в ловушку

заднюю лапу ракторикса. Зверь, не сумев устоять, рухнул вперед.

Горящая река расплавленного камня тут же захлестнула обездвиженного зверя. Ракторикс

завопил от боли и ужаса, когда лава
облизала ему ноги. Дергаясь, словно в
припадке, зверь

тихонько боролся с неизбежным, толкая
головой из стороны в сторону и все глубже
утоная в потоке.

- Смерть - последний предел для всего
сущего, - произнес Амит, когда ракторик
исчез из виду, поглощенный яростью
вулкана.

- Тогда не будем слишком пристально
искать свой предел, - пошутил Дрүал,
оттаскивая Амита от
раппы.

Снова оказавшись в отсеке, Амит вдруг
понял, что внутри пронзительно воет
сирена, а на его

ретинальном дисплее мигают
предупредительные рунны.

- Двигатели дают сбой, пенельное облако
слишком плотное. Пора улетать, магистр
ордена... -

произнес Задкиил.

- Уходим, - приказал Амит.

Извержение вулкана было кратковременным, но опустошительным. Лава вскоре застыла, навеки изменив пейзаж. Море огня испепелило лес на многие километры вокруг, уничтожив все

органическое вещество. В катаклизме уцелели только высочайшие пики, которые возвышались,

словно небольшие островки, над недавно затвердевшей коркой. Амит окинул взглядом пустынную

голую скалу. Долина выглядела так, будто ее утрамбовал безумец.

- По крайней мере теперь кораблям будет где приземляться, - раздался голос Менаделя, который

стоял за спиной у Амита вместе с Баракиилом, Манакелет и Друалом.

Амит довольно хмыкнул. Он ожидал таких несвоевременных замечаний от Гризори, поэтому был

рад присутствию Менаделя, который

заполнил пустоту, оставшуюся после
гредноута.

- Уверен, работа для капитана Немы
значительно облегчится, когда она
прибудет за нами, - Алит

повернулся к Менагелю. Лицо сержанта
оставалось таким же спокойным и
твердым, как земля под

ногами, из-за чего он вдруг засомневался,
пошутил ли Менагель.

Магистр перевел взгляд на Манакеля.
Такой холод в глазах ему приходилось
видеть только у

капелланов. Хотя это не имело особого
значения, Алит остановился, утратив
нить размышлений, когда заметил искусно

украшенный болт-пистолет на поясе
сержанта. Зофал. Капеллан сумел

разглядеть душу воина за феррокритовой
броней.

- Брат, - Алит указал на знамя в руках
Баракиила.

Капитан кивнул и передал его Алиту,
подаватели движения, встроенные в его

крепления,

заставляли висеть полотнище прямо и неподвижно, невзирая на сильный ветер.

Алит повернулся к остальным Расчленителям. Тридцать восемь воинов прижали кулаки к

нагрудникам. Победа стояла им половиной роты. Выжившие стояли плечом к плечу, на их доспехах

выднелись глубокие царапины и вмятины, под которыми были почти не видны символы и знаки

различия. Позади воинов на уважительном расстоянии держалась тысяча дикарей. Они разбились

по группам, но стояли с той же воинственной гордостью, что и костические десантники.

- Я сражался в войнах Императора еще со времён легиона. Я убивал его врагов во времена, когда

наш отец ходил среди нас. Я калечил и уничтожал любое существо и ксенотерзость, которое

остеливалось встать перед толпой
клинком. Но этот мир... - Алит развел
руки, чтобы охватить весь

пейзаж. -- Этот мир более жесток и
первобытен, чем ярость в моей душе. Но
вместе, братья, мы
завоевали его.

- Мы -- гнев! Мы -- смерть!

- Наши братья погибли не зря. Мы
убедимся, что этот мир, этот
единственный мир, навсегда

останется свободен от скверны мутанта,
ксеноса и еретика. Этот мир воплотит в
себе очищающую

ярость и послужит примером всякому,
кто ступит на его поверхность, - Алит
поднял знамя,

отключив подавители движения, позволив
ему гордо реять. -- Вы стоите на
Кретации, родине

гнева. Теперь это -- дом Расчленителей!

...

Потребовалось менее трех дней, чтобы
Расчленители подчинили планету своей

боле.

Орбитальные транспорты хлынули на поверхность с сотнями сервов и ауксилиариев ордена на

борт. Небольшая группа из восьми тысяч клерков Департамента Мониторинга взялась за

каталогизацию ресурсов Кретации и обработку ее населения. В последующие месяцы на планету

доставят еще множество людей.

- Раг видит вас, магистр, - Измериил стиснул наруч Алита в воинском приветствии.

- Капитан. Тебя ждет важное задание. Я вскоре вернусь на «Виктус» и отправлюсь в Саккарский

сектор настолько, насколько потребуются на этот чертов крестовый поход. Ты останешься здесь и

будешь отвечать за наше будущее, - сказал Алит.

- Лорг?

- Мы больше не станем вверять себя на

тилость судьбы, набирая новобранцев с
тиров, в которые
нас забрасывает военная нужда. Любой
новобранец, который хочет носить на
грудь наш символ,

должен обладать таким же характером,
как воины, обитающие под этим небом, -
Алит указал на

дикарей, которые нестройными рядами
ожидали обработки. -- Я заявил о Праве
Покорения.

Будущая кровь ордена будет
кретацанской.

Изтериил кивнул.

- У, капитан, когда Муниторум все
сделает, выгвори их с планеты. Слабой
крови здесь не место.

Изтериил улыбнулся.

...

Алит оставил капитана и взошел на
временную кафедру, возведенную так,
чтобы с нее

открывался вид на лагерь по обработке.

- Воины Кретации, - шум активности

тут же стих, стоило Амиту заговорить, его голос походил на

грубый рык, передаваемый через фильтры аудиоколонок, развешенных на стальных столбах по

периметру лагеря. -- Каждого из вас подвергнут проверке. Те, кого сочтут достойными, станут

огними из Крови. Те, кто провалят испытания, но проявят отвагу, все равно смогут служить, - Амит

указал на стоявшего рядом с ним сервадора. -- Остальные не выживут.

Амит знал, что дикари не понимают его, как и тех изменений, что он принес в их мир. Это не важно.

Он исповедовался не столько перед ними, сколько перед самим собой.

По приказу Амита из рядов дикарей появился Манакель. Он заставил вождей и старейшин выйти

вперед, за исключением Тамира, которому приказал остаться.

Амит оглядел собравшихся лидеров.

- Вы храбро сражались. Император благодарит вас за службу, - он остановился, изучая их лица в

поисках понимания, но не заметил его. - Вы слишком стары для испытаний, а повелевать этим

миром может только один.

Манакель поочередно возложил руку на плечо каждого варвара, заставив их упасть на колени, и

протянул свой ценной меч Алиту.

Только тогда потрясенные вожди поняли, что их ждет. Алит увидел в их глазах страх. Он принес с

собой утиротворение. Магистр принял верное решение -- слабым не место в ордене. Быстрее, чем

мог уловить человеческий взгляд, магистр обезглавил их, отрубив клинком шестую шею прежде,

чем голова первого успела коснуться земли.

Стахнув с меча кровь, Алит поздравил Тамира.

Вождь бесстрашно приблизился.

- Сержант Манакель высоко отзывался о твоей отваге и силе, - Алит указал на сервов органа,

которые ходили по своим делам у него за спиной. - Ты еще можешь служить.

Тамир взглянул на несчастных людей и покачал головой. Он стиснул кулак и крепко прижал его к

груди. Он умрет так же, как жил -- воином.

Алит безрадостно улыбнулся. Убийство Вождя не принесет ему радости.

- Хорошо, - то, что будущие поколения Расчленителей будут нести то же селя, что и Тамир,

давало Алиту надежду на лучшее будущее для органа. - Кровь принесет тебе воинское успокоение.

Тамир преклонил колени, чувствуя, как чаще забилося сердце. Он затаил дыхание, пытаясь

успокоиться. Он не войдет в загробный мир трусом. Тамир прошептал молитву

своим богам и

посмотрел в бездонные глаза багрового повелителя. Это было самое страшное, что он видел в

своей жизни.

Мы считали Кретацію своим спасением.

Мы ошибались.

Наши усилия оказались тщетными, а вера — ложной. Мы покорили аг, смертоносную планету,

которую стали называть домом. Мы уничтожили его зверей, а их тела забрали в качестве

трофеев. Мы подчинили ее жителей и взяли их силу себе. Мы создали империю из ее скал и

отправились дальше покорять звезды. Но мы не насытили ужас внутри самих себя.

Мы — младшие сыновья нашего отца, и от этого еще более свирепы. Его боль полыхает в

наших венах, ее не в силах ослабить застаревшая гордость и возложенный на

нас долг. Мы --

это он в самом чистом и разгневанном
своем облике. Даже самое сильное
кровопролитие не

избавит нас от Проклятья.

Прости, брат.

Габриэль Сем обернулся и посмотрел на
десантника Роты Смерти, привязанного к
древнему

столу. Его шлем был погнут, прожжен
кислотной слюной, которая непрерывно
капала из

оскаленного рта. На темной броне
оставались боевые шрамы. Дыры от пуль,
погналины и

глубокие царапины покрывали всю
поверхность, дар трех столетий на службе
органа.

Большинство тех, кто поддался Гневу и
облачился в черные доспехи смерти,
оставались в

живых, чтобы сразиться еще раз,
ринуться в грозную последнюю атаку во
имя Императора. Те

несчастные, кто пережил ее, превращались в зверей, первобытных созданий, которые больше

не могли отличить друга от врага. Для них была важна только Кровь, и если не останется

никого выбора, они будут пировать даже на останках собратьев.

- Освободи его, Габриэль. Его служба окончена.

Габриэль поднял голову и посмотрел на Анполлуса. Канеллан стоял у изголовья стола, его

украшенные надписями и литаниями чистоты масляно-черные доспехи, словно благородное

отражение брони, носимой десантником Роты Смерти, сливались с тенями освещенной

свечами комнаты. Но насколько бы черными ни были доспехи Анполлуса, его глаза казались еще

темнее.

- Это пустая трата времени, - резко

сказал Анполлус. -- Он не понимает, магистр ордена.

- Я не глупец, - прорычал Габриэль и поднялся на ноги, его фигура словно увеличилась от

вскипевшего в нем гнева. -- Достаточно того, что ты понимает, капеллан, -- Анполлус ударил

кулаком по нагруднику, резкий удар звоном разнесся в каменных стенах комнаты. -- Что ты помнил.

- Лорд, - Анполлус почтительно склонил голову.

Габриэль положил руку на наплечник десантника Роты Смерти. Он чувствовал, как напряглось

тело воина, когда тот попытался разорвать ремни.

- Покойся с миром, брат. Ты заслужил окончательную смерть.

Убрав руку, Габриэль кивнул Анполлусу.

Капеллан повернулся к реликварию в стене. Стазисное поле грозило, когда он

достал из него

искусно украшенный болт-пистолет.
Оружие некогда принадлежало капеллану
Зофалу и со

времен обретения Кретации
использовалось, чтобы прекращать
страдания обреченных.

- Мир праху его, - Анполлус прижал болт-
пистолет к шлему десантника Роты
Смерти и
выстрелил.

Габриэль какое-то время смотрел на
мертвого воина.

- Сколько еще, Анполлус? Сколько еще
братьев мы потеряем в этом безумии?

Анполлус промолчал, понимая, что
Габриэль не ждет ответа. Немногие знали
о тяжком

бремени, возложенном на магистра
ордена. То, что сделал Амит, было только
началом --

спасение Расчленителей было далеко не
легкой задачей.

Габриэль вздохнул и обернулся влево, где

обряда ждал еще один проклятый.

- Прости. Мы подвели тебя, брат.

...